

ХАНТЕР С.
ТОМПСОН

18+

АНГЕЛЫ АДА

РОМАН

Чак Паланик и его бойцовский клуб

Хантер Томпсон

Ангелы Ада

«АСТ»

1967

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

Томпсон Х. С.

Ангелы Ада / Х. С. Томпсон — «АСТ», 1967 — (Чак Паланик и его бойцовский клуб)

ISBN 978-5-17-102565-6

Книга-сенсация. Книга-скандал. В 1966 году она произвела эффект разорвавшейся бомбы, да и в наши дни считается единственным достоверным исследованием быта и нравов странного племени «современных варваров» из байкерских группировок. Хантеру Томпсону удалось совершить невозможное: этот основатель «гонзо-журналистики» стал своим в самой прославленной «семье» байкеров — «великих и ужасных» Ангелов Ада. Два года он кочевал вместе с группировкой по просторам Америки, был свидетелем подвигов и преступлений Ангелов Ада, их попоек, дружбы и потрясающего взаимного доверия, порождающего абсолютную круговую поруку, и результатом стала эта немыслимая книга, которую один из критиков совершенно верно назвал «жесточкой рок-н-рольной сказкой», а сами Ангелы Ада — «единственной правдой, которая когда-либо была о них написана».

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-102565-6

© Томпсон Х. С., 1967

© АСТ, 1967

Содержание

Странная сага отчаянного джентльмена	6
Гаси их, ребята	13
1	13
Создание угрозы, 1965	26
2	26
3	36
4	49
5	54
6	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Хантер Томпсон

Ангелы Ада

Печатается с разрешения The Gonzo Trust и литературного агентства The Wylie Agency (UK) Ltd.

© The Estate of Hunter S. Thompson, 1967

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Странная сага отчаянного джентльмена

– Мы раздавим их как ничтожных тараканов! СЕГОДНЯШНЯЯ СВИНЬЯ – ЗАВТРАШНИЙ БЕКОН!.. Мы убьем тех, кто жрет нас, и сожрем тех, кого убиваем!

Хантер С. Томпсон. «Песни Обреченного»

– Самая большая радость для мужчины – это побеждать врагов, гнать их перед собой, отнимать у них имущество, видеть, как плачут их близкие, ездить на их лошадях, сжимать в своих объятиях их дочерей и жен.

Чингисхан, 1223

В начале тридцатых годов молодой Уильям Берроуз сказал: «Другие люди отличаются от меня, и я не люблю их». Позже он говорил: «Мне плевать, если люди меня не любят. Вопрос только в том, что они могут с этим поделать». О каннибалах, пожирающих человеческий дух, этот «древний человеческий дух», много писали Керуак и Кен Кизи. Уместно ли сказать «человеческий»? «Есть жестокие души, которые верят, что вселенная – зло... страшась жизни, не понимая ее безвредной пустоты», – декламировал в Беркли Аллен Гинзберг свое посвящение Ангелам Ада. Перефразируя «Голый Ланч», каннибалы, судя по их победным репортажам, отловили уже почти всех. Остались немногие. Но каннибалы все равно опасаются, что какой-нибудь одиночка, движимый инстинктом самосохранения, вырвется и опрокинет на бегу котел с их трапезой, а точнее с его же сваренными в собственном соку сородичами. И не важно, что он проиграл. «Ты смотришь на проигравшего, который собирается устроить погром на пути прочь от мира сего», – скажет малоизвестному «журналисту» Томпсону один из Ангелов Ада. «Я наслаждаюсь жизнью в горах на высоте 8000 футов, глубоко в снегах и лесах; и то, что я вношу в жизнь все время – конфронтация. Потому что идет Война, – скажет спустя добрый десяток лет всемирно известный писатель Томпсон очередному малоизвестному журналисту. – Я давно сделал свой выбор. Кое-кто говорит, что я превратился в ящерицу без пульса. А правда?.. да Бог ее знает... Я никогда не думал, что проживу больше двадцати семи. Каждый свой день я поражаюсь этому, как и любой, кто понимает, что я все еще жив».

– Так всегда с джентльменами удачи. Жизнь у них тяжелая, они рискуют попасть на виселицу, но едят и пьют, как боевые петухи перед боем. Они уходят в плавание с сотнями медных грошей, а возвращаются с сотнями фунтов. Добыча пропита, деньги растрочены – и снова в море в одних рубашках...

– Джон Сильвер продолжал говорить бочке из-под яблок, не подозревая, что его подслушивают.

«Не знаю, насколько Томпсон был изначально заинтересован в Ангелах Ада, – заметил как-то один американский критик. – Но его подход в корне отличался от всего, что предлагала тогдашняя журналистика. Вместо того, чтобы погрязнуть в изложении популярных фактов из истории Ангелов Ада, он предложил новый скорректированный издевательский репортаж-препарацию домыслов истеблишмент-медиа, он писал о том, что они означали лично для него и как они затронули его жизнь. Презрев так называемую журналистскую объективность, он написал эту книгу через призму своего «я» и умудрился остаться по-своему объективным». Чтобы понять, как и почему Томпсону удалось написать, по признанию самих Ангелов, «единственную правдивую вещь, когда-либо написанную о них», надо начи-

нать рассказ не с того момента, как в 1964-м Бирни Джарвис (в книге выведен под именем Притэма Бобо), бывший Ангел Ада, а тогда репортер *Chronicle*, привел безработного журналиста в мастерскую Ангелов в южном Сан-Франциско и представил его им. Общественная истерия (или истерия общественной морали (*Moral ranks*)) вокруг *outlaws*-мотоциклистов была в самом разгаре, и тема уже вовсю эксплуатировалась прессой, настолько преуспевшей в создании сверхдемонического рекламного имиджа Ангелов Ада и других стоящих «вне закона» клубов, что во время объявленных байкерами Пробегов «города по всей стране с нетерпением ждали вторжения, надеясь, что их изнасилуют и разорят». Идея книги о «низшей форме животных», об «армии грязных волосатых насильников на мотоциклах» давно витала в потной атмосфере офисов различных издательств – фактически это был социальный заказ, и его надо было выполнять. Америка, по словам Томпсона, «плодила массовое беззаконие и отчуждение с конца Второй мировой войны». И это была «не политическая вещь, а ощущение новых реалий, крайней необходимости, гнева и иногда отчаяния в обществе, где даже верховные власти, судя по всему, хватаются за соломинку». Параллельно во многом искусственной «моральной революции», о которой так любили рассуждать американские интеллектуалы, в реальность стремительно ворвался «легион молодых трудоспособных людей», чья неиспользованная энергия неизбежно должна была найти деструктивную отдушину. Требовался «иной род безумия и насилия», новый подход. «Многие были призваны, но немногие избраны».

Как ни парадоксально, Хантер Томпсон всю свою жизнь ненавидел, и до сих пор ненавидит, журналистику. Имидж известного журналиста чудовищно тяготил его еще в шестидесятые. То, что для него началось как своего рода эксперимент, потому что он «больше ничем другим не мог заняться, кроме как писать», вскоре превратилось на какое-то время в главное препятствие на пути к «настоящему писателю». Создавая своим образом жизни inferнальный хаос, из которого как из рога изобилия извергались его самые важные формулы, используя саморазрушение как топливо, «необходимое зло», для «достижения успеха в обществе с удручающей нехваткой *outlaw*», он, по сути дела, писал главы всего одной книги, растянутой на десятилетия – от «Последней Драки в Городе Толстых» пятидесятых до «Добро пожаловать в тюрьму» девяностых (см. «Песни Обреченного»). Прекрасный ответ на вопросы «как» и «почему» «отчаянный южный джентльмен» пришел к теме Ангелов Ада, и уже отталкиваясь от нее вскоре достиг культового статуса «рок-звезды», и единственного в своем роде «Безумца Вне Закона», на которого никто так и не смог найти управу, можно найти в объемистом томе его писем – «Гордая Автострада» (с 1955-го по 1967-й). Здесь есть все, что нужно, чтобы поймать дух и времени и человека, и всех тех, кого он так или иначе встретил «на пиру насилия и страсти и непрерывной революции».

Извращенное остроумие, бесконечное мошенничество, чрезмерные излишества, огромная самоуверенность, выворачивание наизнанку своего израненного недооцененного эго и идиопатический гнев «праведного» *outlaw*, по признанию друга Томпсона, писателя Уильяма Дж. Кеннеди, автора романа «*Ironweed*» (удостоенного в восьмидесятые Пулитцеровской премии) – все это уже окончательно сформировалось в не по годам развитом воображении Хантера в Пуэрто-Рико, в Сан-Хуане, где он, задыхаясь от отвращения, зарабатывал себе на хлеб журналистикой. И этот джентльменский набор он использовал в те дни, чтобы пробить себе дорогу в литературу, «маршируя под ритм своего барабана». Дуглас Бринкли, редактор «Гордой Автострады», замечает, что Хантер культивировал тогда в себе образ Американского Адама, фигуры, которую критик Р. Льюис определял, как «индивида-одиночку, полагающегося только на свои силы и самодостаточного, готового к конфронтации со всем, что его ожидает, и использующего при этом свои собственные уникальные врожденные способности». Писатели, во многом повлиявшие на двадцатилетнего Томпсона, никогда не принадлежали к какому-нибудь литературному движению или элитному клубу, не были досто-

янием «книгомесячных салонных дам», и по идиоматическому выражению «гнали своих лошадей» – Эрнест Хемингуэй («... правда я не хотел быть на него похожим или чтобы меня с ним сравнивали. Он-то, как раз, гнал быков». – Х. С. Т), Джек Лондон, Генри Миллер. «Хороший писатель стоит над всеми движениями, – писал Томпсон. – Он и не лидер, и не последователь, а только блестящий белый мяч для игры в гольф, летящий в лузу преодолевая сопротивление ветра». И не случайно, что в 1960-м Томпсон переехал на какое-то время в Биг-Сур – он хотел быть рядом с Миллером, чью иконоборческую откровенность и решительность, «гнев праведного outlaw», ставил выше всех остальных. Слово «outlaw» – буквально «стоящий вне закона» или «отверженный» – одно из важнейших в мифологии Томпсона, как и выражение «страх и отвращение», его реакция на существование в обществе и культуре потребления, «сточной канаве, дамбе с таким количеством протечек, что ни у какого закона не хватит пальцев их заткнуть». «Outlaw» выражает отнюдь не социальную позицию – это состояние души, отношение к миру, которое не выразить никаким переводом (поэтому во многих случаях оно оставлено в переводе «Ангелов Ада» так, как оно есть). В наш лексикон давно уже вошли слова «фрик», «джанки», «трип», а раз вошли они, то непременно войдет и «outlaw». Так можно сказать о каждом, «у кого есть и кто с этим, и если ты сам не врубаешься, то никто тебя не врубит», – как заметил в «Джанки» «literary outlaw» Уильям Берроуз. «Лучше править в аду, чем служить в раю», – говорит лидер outlaw-байкеров в фильме «Ангелы Ада на Колесах» (в котором, кстати, промелькнул и Томпсон).

Применительно к «Ангелам Ада» и другим мотоциклетным клубам иногда можно говорить «отверженные» – в контексте того, что они были отвергнуты Американской Мотоциклетной Ассоциацией. Но и здесь надо понимать, что outlaw байкер – это стиль жизни, а не стиль езды на мотоцикле. Массовая культура сделала из них миф, настолько притягательный в своей «наоборотности» и «отвратности», что мотоциклетные субкультуры оказались самыми живучими – существуя по сей день, они так и не пережили своего упадка. *Байкеры или рокеры являются аутсайдерами презираемого ими изнеженного общества, у них считается позором быть такими как все. Они создали свое собственное общество со своими правилами и понятиями о морали. Не все мото клубы относятся к «1 %», а только те, что совершенно осознанно становятся против гражданских норм, государственных правовых понятий, бюрократической опеки. В средние века такие люди, как байкеры, тоже были бы «людьми вне закона», вольными стрелками и бунтарями, и такими они видят себя до сих пор. Из-за этого они автоматически становятся не только аутсайдерами, но и врагами государства и даже преступниками. Байкеры всегда функционировали по ту сторону социальных ценностей. «Рожденные Проигрывать» сорвиголовы использовали любую возможность выделиться среди остальных на грани дозволенного законом и тем самым практически полностью отошли от жизни в социуме. «Стилистически и идеологически они были аутсайдерами безо всякого желания стать инсайдерами».*

– Прочь! Все прочь с вашими копытами, шкурами и крашеным железом! Только тот, кто своей рукой убил Вепря, может показать его клыки!
– *Лорд Кроуфорд, бросающий окровавленную голову перед блестящим собранием венценосных козлов.*

«Когда мы впервые стали говорить с ним о прозе в конце пятидесятых, его, так сказать, черновой работой был роман «Принц Медуза», – вспоминает о своей переписке с Томпсоном Уильям Кеннеди, – а вскоре он начал «Дневник под Ромом» («The Rum Diary»), надолго с тех пор приковавший его внимание». Ни один роман так и не был тогда опубликован, и их отрывки спустя тридцать лет появятся в «Песнях Обреченного» (а еще спустя десять «The Rum Diary» вышел отдельной книгой). Реакция литературных редакторов и агентов на раннее творчество Томпсона была в духе «Если бы это было написано Уинстоном Черчиллем,

это было бы забавно». «Принц Медуза» снова положен в стол, в третий и последний раз, – писал Хантер Кеннеди из Нью-Йорка в 1960-м. – На самом деле книжка получилась так себе... Я просто набрасывал кое-что, чтобы прочувствовать и начать тот «Великий Пуэрториканский Роман», о котором уже говорил... Я так часто шел на компромисс с самим собой, что не могу больше честно смотреть на себя, как на мученика... Я думаю, что, возможно, мне лучше стать оппортунистом с огромным болезненно воспаленным талантом». «Его разговоры о мученичестве и компромиссе были для меня романтическими идеями, мало пригодными, если писатель убеждает себя в своей серьезности, – комментирует Кеннеди. – Мы перебирали примеры о том, как долгое время пренебрегали Фолкнером, о хронических неудачах Натанаэля Уэста, о печальном увядании Фицджеральда, когда его совершенно не печатали. Но все, что Хантер делал в смысле компромисса, так это слишком много пил и писал второсортную журналистику, чтобы оставаться в списке живых».

Приведем выдержки из писем Томпсона Кеннеди разных лет:

1960. «Если бы я не был так уверен в своем предназначении, то мог бы даже сказать, что на меня нахлынула депрессия. Но что-то она так как-то и не нахлынет, а кроме того всегда есть завтрашняя почта»... «Моя проза все еще отказывается продаваться... Начал Великий Пуэрториканский Роман и ожидаю, что в этом-то и будет вся собака зарыта».

1961. Роман продвигался плохо, и агент отказался его принять. «И вот мы снова разбиты, лодки, плывущие против течения», – писал он Кеннеди, цитируя Гэтсби, «орифлаammu его продолжающегося мученичества с Американской Мечтой».

1963. Кеннеди негативно отреагировал на «Дневник под Ромом» и посоветовал Томпсону бросить его. «Я решил переписать роман», – ответил он.

1964. Зарабатывание денег журналистикой не приносит ему никакого удовольствия. «Если повезет, я снова вернусь к писательству».

1965. Томпсон остается практически без средств к существованию и не может устроиться даже грузчиком. «...бьюсь над романом... проза не угнетает меня так, как журналистика. Это труднее и гораздо более пристойная для человека работа».

1965. Его статья «Мотоциклетные банды: Проигравшие и Аутсайдеры», напечатанная 17 мая 1965-го в *The Nation*, немедленно спровоцировала шесть предложений от издателей написать книгу об Ангелах Ада. «Я в истерике, предвкушая деньги... Самой лакомой фишкой момента, похоже, будет «Дневник под Ромом». Если бы роман был готов прямо сейчас, я бы смог выбить завтра 1500 долларов аванса. Но, как ни печально, он недостаточно хорош, чтобы его кому-то посылать».

1965. «Я должен бросить журналистику... и посвятить себя писательству, если я вообще способен. И если чего-то стою, то мне искренне кажется, что это будет в области прозы – единственный путь, которому я могу следовать со своим воображением, точкой зрения, инстинктами и всеми другими неуловимыми фишками, так нервными людей в моей журналистике».

А было ли то, что он писал, вообще журналистикой? Томпсон вскоре это, наконец, понял. Красной нитью в его письмах тех лет проходит презрение к прессе, представлявшей мейнстрим; он рассматривал их как ластивых шакалов, глашатаев-лизоблюдов «Ротари Клуба», американского правительства и истеблишмента Восточного побережья. Так называемым профессиональным объективным журналистам *The New York Times* он противопоставлял субъективную журналистику Х. Л. Менкена, Амброза Бирса, Джона Рида и Ай. Ф. Стоуна. Когда его вышвырнули за хулиганство из нью-йоркской *Daily Record*, он мрачно констатирует в письме: «С этого момента буду жить так, как мне кажется, я должен». И там же добавляет два главных правила для честолюбивых писателей: «Первое – никогда не смущаться использовать силу, и второе – максимально злоупотребить своим кредитом. Если ты помнишь это и если сможешь не потерять голову, то тогда есть шанс, что ты пробьешься».

О так называемой новой журналистике написано уже так много, что никто толком не может вспомнить, когда же она точно появилась. На рубеже 1965–1966 годов, когда Томпсон написал «Ангелов Ада», сложился целый круг признанных авторов, завоевавших вскоре себе огромную продвинутую аудиторию. Но в то время как Гэй Тейлизи, Джимми Бреслин, Труман Капоте, Том Вулф, Норман Мейлер и Терри Сауферн, обслуживая растущий спрос на «новую журналистику», окопались в *Esquire* и нью-йоркской *Herald Tribune*, Томпсон, предпочитавший термин «импрессионистская журналистика», не купился на этот размытый и во многом ограниченный «интеллектуальными» рамками феномен. Он по большей части следовал традиции и восхищался, как Эрнест Хемингуэй, Стивен Крейн и Марк Твен комбинировали технику художественной прозы и репортажа, подчеркивая степень авторского участия при описании новостных событий. Упомянутый выше Дуглас Бринкли добавляет в этот список еще и Джорджа Оруэлла (его отчет о гражданской войне в Испании «Памяти Каталонии» или повествование о нищенском существовании «За Бортом Жизни в Париже и Лондоне»). И если Оруэлл мог жить под мостом с нищими и алкашами и писать об этом в своих репортажах, то и Томпсон отправлялся в «логовище контрабандистов» в Арубе, в публичные дома в Бразилии, пьянствовал и разъезжал с мотоциклетными бандами в Калифорнии, невзирая на риск оказаться в тюрьме или быть жестоко избитым. «Художественная литература – мост к правде, которую не может затронуть журналистика, – напишет Хантер своему редактору Ангусу Кэмерону в 1965-м. – Факты – ложь, когда их сводят к общему знаменателю». И хотя он отмечал среди знаковых фигур «импрессионистской журналистики» А. Дж. Либлинга в новостной прессе, спортивного журналиста Грантлэнда Райса, певца «расовой проблемы» Джеймса Болдуина и Нормана Мейлера с его экзистенциальным гневом, но все же, с его точки зрения, ни один из них не смог ухватить взрывной смысл «личного журналистского приключения», отличавшего Оруэлла, Лондона и Хемингуэя.

Так что нет ничего удивительного в том, что молодой Томпсон приглашает Уильяма Фолкнера вместе с ним «красть цыплят», объявляет Нельсона Элгриня столь же порочным, как и Никсон, предупреждает Нормана Мейлера, чтобы тот смотрел за своим тылом, потому что «Х. С. Т.» уже пишет «Великий Пуэрториканский Роман». Хемингуэй охотился на львов у горы Килиманджаро, Хантер Томпсон заваливает своим длинным охотничьим ножом кабана в Биг-Суре. Если Джинджер Мэн у Донлеви заказывал пять стопок виски, чтобы разойтись, то Томпсон заказывал пять бутылок. Семимильными шагами он двигался к своей цели, к тому состоянию, когда по сравнению с его экстремистской историей «Сердце Тьмы» начнет казаться какой-нибудь байкой, которую рассказывают детям на ночь.

«Во многих наших самых первых беседах, – говорит Уильям Кеннеди, – главной темой была оригинальность писателя: насколько сила языка отделяет его от остальных, насколько их истории, а не их идеи были великими, а для того, чтобы идея была жизнеспособной, требовалось воплощение автора в повествовании, иначе она была бесполезной. Идея прийти к читателю с клыками, с которых капает мудрость, была столь же смешна, сколь и бесполезна.

Такие разговоры – часть основной подготовки для любого прозаика. Реальная проблема состоит в том, как научиться использовать это понимание. Хантер идентифицировал себя с литературными аутсайдерами: Холденом Колфилдом Сэлинджера, Джинджером Мэнном Донлеви. Он научился у Мэнкена, как быть злобным бойцовым псом, но в то же время воодушевлялся Элгрином, Фицджеральдом и Уэстом, боготворил Дилана Томаса и Фолкнера. Он говорил в конце шестидесятых, что главная вещь, которую он хочет сделать – это создать «новые формы» прозы».

Несмотря на то, что Томпсон заслужил репутацию «грозы редакторов и агентов», часто избивая первых и увольняя вторых (он называл их вампирами, «высосавшими десять процентов американской жизни»), на протяжении всей своей литературной карьеры он восхищался одним-единственным редактором – Кейри Макуильямсом из *The Nation*. Именно бла-

годаря Макуильямсу появились «Ангелы Ада», и именно ему Томпсон обязан сумасшедшим успехом своей первой книги. Хантер впервые попал в поле зрения Макуильямса в августе 1962-го, когда редактор прочитал замечательные латиноамериканские репортажи журналиста для *National Observer*, написанные в алкогольном ступоре (позднее опубликованы в сборнике «Великая Акула Хант»). Макуильямс был потрясен способностью Томпсона «исключительно нагло погружаться в репортаж», строя его на своих собственных приключениях, как он это сделал в «Вольном Американце в Логовище Контрабандистов». Через пару лет, когда Томпсон со скандалом ушел из *Observer*, потому что редакторы от компании «Доу Джонс» отказались печатать его рецензию на роман Тома Вулфа, «The Kandy-Kolored Tangerine-Flake Streamline Baby», Макуильямс обратился к Хантеру с просьбой написать для *The Nation* репортаж о Free Speech Movement Марио Савио в Беркли. С этого момента между ними завязалась оживленная переписка. Почти каждую неделю Томпсон писал Макуильямсу о всем, что только могло тогда вызвать интерес – от ареста Кена Кизи по обвинению в хранении марихуаны и убийства Малькольма Икса, иммиграционных лагерей в Салинас Уэлли и «пылающей гитары» Джими Хендрикса до политического взлета Рональда Рейгана и падения Линдона Джонсона. «Уничтожение Калифорнии – вполне логичная кульминация Переселения на Запад, – писал Томпсон Макуильямсу из своей квартиры на Хейт-Эшбери. – Красное дерево, фривзи, законы о наркотиках, беспорядки на расовой почве, загрязнение воды, смог, движение Free Speech, и, наконец, губернатор Рейган – все вместе это логично, как в математике. Калифорния – конец во всех отношениях. Это смерть идеи Линкольна, что Америка была «последней и лучшей надеждой человека».

Предложение Макуильямса написать статью об Ангелах Ада для *The Nation* стало важнейшим поворотным пунктом карьеры Томпсона. 18 марта 1965-го Хантер пишет, что эта идея стала для него «приятным сюрпризом». «Я удивлен, что кто-то в редакционной обойме действительно заинтересован в подробном освещении этого явления». Не откладывая дела в долгий ящик, Томпсон отправляется в офис главного прокурора Калифорнии, где получает его печально знаменитый доклад, безжалостно высмеянный на страницах «Ангелов Ада». «С такой журналистикой, типа «247 шефов полиции обвиняют мотоциклетные банды» никакого толка у меня не выйдет. Ну и что с того? Шефы полиции обвиняют все, что только связано с шумом... Я не представляю, как можно обойтись в статье об этих мотоциклетных ребятах без их собственной точки зрения... Для меня Ангелы Ада – вполне естественный продукт нашего общества... И я хочу выяснить следующее: кто они? Какие люди становятся Ангелами Ада? И почему? И как? Механизм». Знакомство с Ангелами произошло через неделю. «Безумный день закончился, – пишет Томпсон в письме приятелю 26 марта. – В половине седьмого выпроводил последнего Ангела Ада из своей гостиной...»

Делаю статью о мотоциклетных бандах для *The Nation* – денег кот наплакал, но приколов куча. Перед тем как пустить их в свой дом прошлой ночью, я объяснил, что хотя от меня нет никакого толку в драке, я все же предпочитаю получать свое мясо с помощью двустольного ружья 12 калибра. Они, кажется, уловили смысл этой концепции, и мы прекрасно провели время; несмотря на продолжительную истерию Сэнди (жены. – Прим. А. К.) и на то, что мы обеднели на галлон вина и ящик пива, я все-таки полагаю, что в итоге мне удалось набрать основу для минимум пяти отменных статей».

Спустя два месяца в «*The Nation*» выходит теперь уже легендарная статья Томпсона, принесшая фриланс-автору немедленную славу и контракт на книгу. «Как только вышел этот репортаж, по отделениям Ангелов была пущена малява, что со мной можно иметь дело. Немногие из них ее читали, а те, кто читал, сказали, что все в порядке. Это была моя верительная грамота, чтобы вернуться и написать книгу.

Они сказали, что это единственная честная вещь, когда-либо написанная о них. Им было плевать на брутальность или на всякие мерзости. Главное, что они смогли идентифи-

цировать себя в реальности того, о чем они читали. Они понимали, что это был «правильный», честный отчет обо всем, что с ними связано. Вот почему он и стал моей визитной карточкой. Они уже больше не беспокоились о том, что я напишу в своей книге».

Алекс Керви

Гаси их, ребята

Моим друзьям, которые подбрасывали мне деньги и милостиво позволяли мне быть безработным. Ни один писатель не сможет без них творить. И еще раз спасибо.

Х. С. Т.

*В своей стране родной —
Я на чужбине,
Я силу в теле чувствую и в мыслях,
Но власти нет и мощи у меня,
Я всюду победитель,
Но я всюду проигравший...
Займется только день —
Я всем желаю ночи доброй,
Как только я прильну к земле —
То страх, как черный червь, шевелится во мне —
Страх моего паденья.
Вниз.
В пучину.*

Франсуа Вийон (отрывок из «От жажды умирая над ручьем»)

1

КАЛИФОРНИЯ. Уик-энд накануне Дня труда... Раннее утро, туман, приползший со стороны океана, все еще застилает улицы... во Фриско, Голливуде, Берду и Восточном Окленде мотоциклисты-беспредельщики, увешанные цепями, в темных очках и грязных джинсах «левайс», выкатывают из промозглых гаражей, ночных забегаловок и заброшенных лачуг, где коротали время до рассвета, чтобы рвануть к полуострову Монтерей, к северу от Биг-Сура.

...Джин выпущен из бутылки. Ангелы Ада – герои набранных жирным шрифтом заголовков скандальной хроники – с шумом и ревом проносятся на бешеной скорости с первыми лучами зари по фривэю, крепко сидя в своих седлах... Ни одной улыбки на их лицах... они с остервенением продираются сквозь транспортный поток и на скорости девяносто миль в час выруливают вниз по центральной полосе, чудом избегая, казалось бы, неминуемых столкновений... подобно Чингисхану на железной лошади, они восседают на своих монстрах-конях с огнедышащим анусом, отрывая с мясом крышки пивных банок и успевая пощупать за ляжку твою дочь, не рассчитывая на хороший прием, не моля о пощаде и не щадя никого; показывая цивилиам своего рода класс, давая им слегка дернуть от запаха тех приколов, о которых они, цивилиы, никогда не узнают... Ох, эти добродетельные, праведные парни – они обожают переворачивать все с ног на голову.

Мальш Иисус, Хромой, Слепой Боб, Пузо, Канюк, Зорро, Костлявый Зад, Чистяк, Тайни, Бродяга Терри, Френчи, Торпеда Марвин, Мать Майлз, Грязный Як Эд, Чак-Дак, Толстяк Фредди, Гнусный Фил, Жеребец Чарли-Совратитель Малолетних, Безумный Крест, Пых, Маго, Скотина и еще по крайней мере пара сотен таких же, у которых руки чешутся от безделья и которые жаждут приключений: длинные волосы развеваются по ветру, бороды и банданы – хлопают, отлетают туда же, в ушах – серьги... перчатки с обрезанными пальцами

– устрашающая пародия на дамские митенки, свернутые цепи, свастики и отдраенные «харлеи», блистающие хромом... И в это же время на 101-й водители, нервничая, сворачивают с дороги, чтобы пропустить боевой отряд, пролетающий мимо, как шаровая молния, оставляющая позади лишь грязь и руины...

«Они называют себя Ангелами Ада. Они разъезжают по стране, насилуют и совершают набеги, словно конница мародеров – и хвастаются, что нет такой силы у полиции, которая смогла бы скрутить их преступное мотоциклетное братство» (*«Urie», «The Man's Magazine», август 1965*).

«Каждый из них сам по себе не так уж плох. Вот что я вам скажу: я предпочел бы иметь дело даже с целой компанией Ангелов Ада, чем с этими борцами-демонстрантами за гражданские права. Уж если дело принимает совершенно не благоприятный для нас оборот, то демонстранты гораздо хуже» (*надзиратель, тюрьма города Сан-Франциско*).

«Некоторые из них – настоящие животные. В любом обществе они были бы такими. Эти парни – тип отверженных, которым следовало бы родиться 100 лет назад, – тогда они были бы вольными стрелками или кем-то вроде этого» (*Бирни Джарвис, один из основателей «Ангелов Ада», который позже стал сотрудником отдела полицейской хроники, полицейским репортером в San Francisco Chronicle*).

«Мы составляем один процент, мужик, один процент, который никуда не вписывается и который на все кладет. Так что не тринди мне по поводу счетов у доктора и о твоих штрафах за неправильную парковку. Значит, берешь свою бабу, и свой байк, и свое банджо – и скатертью дорожка. А свою тропу мы проложили себе через сотни разборок – и остались живы, благодаря нашим сапогам и кулакам. Мы, бэби, среди мотоциклистов-изгоев – парни королевских кровей» (*Ангел Ада говорит для истории*).

...Гонка продолжалась. Группы «отверженных» со всего штата катили по направлению к Монтерено: с севера от Сан-Бернардино и Лос-Анджелеса – по 101-й; с юга из Сакраменто – по 50-й; с юга из Окленда, Хэйурда и Ричмонда – по 17-й, а также из Фриско – по Коуст хайвэй. «Ядром», элитой неподвластных закону изгоев, были Ангелы Ада... с крылатыми черепами на спинах безрукавок и мамочками, восседавшими позади них на мотоциклах с коляской, напоминавших хряка, разделанного ножом мясника. Они едут с выражением неподражаемого, нескрываемого высокомерия на лицах, лучшей защитой им служит репутация наиболее отвратительной и порочной мотоциклетной банды за всю историю существования христианского мира.

Из Сан-Франциско отдельной колонной движется «Цыганское Жулье», всего три дюжины байков, клуб номер два для мотобеспредельщиков в Калифорнии, изголодавшийся по скандальной газетной славе. Имея всего один филиал, «Жулье» по-прежнему может поглядывать с презрением на такую мелочь, как «Президенты», «Дорожные Крысы», «Ночные Ездоки» и «Знаки Вопросы» (также из Бэй-Эреа), на «Гоморру»... с «Содомом», гнездящихся за пять сотен миль к югу, в огромной безумной чаше Лос-Анджелеса, домашнем ипподроме «Рабов Сатаны». «Рабы Сатаны» – номер три в иерархии «отверженных», специалистов по серийным мотоциклам и любителей мяса молодых собак, с пижонскими вызывающими платками на голове и боготворящими их блондинками с глазами переживших лоботомию пациентов психушек.

«Рабы» были особой достопримечательностью Лос-Анджелеса, и их женщины вплотную льнут к кожаным спинам этих собакоедов, давящих вшей идиотов, пока те мчатся

на север на свою ежегодную вечеринку с Ангелами Ада, которые даже там смотрят на «лос-анджелесскую свору» хоть и дружески, но с легким пренебрежением и снисходительностью, на которую «Рабам» начхать... Они могут безнаказанно отплатить той же монетой другим южным клубам – «Цинковым Очкам», «Железным Всадникам», «Охреневшим Гусям», «Коман-черос», «Неприкаянным Чертям» и прочему бездомному элементу с окраин города, заселенных человеческими отбросами, настолько непотребными, что ими брезгают не только клубы «отверженных» – с севера или юга – их могут призвать только для драки, когда лишняя цепь или пивная бутылка может решить исход баталии.

«Я уже неоднократно говорил, что из нынешнего тупика просто нет выхода. Если бы мы были действительно начеку, то давали бы себе отчет в том, что будем незамедлительно атакованы теми кошмарами, которые нас окружают со всех сторон... Мы смогли бы забросить наши орудия труда, поставить крест на своей работе, на наших обязательствах, не подчиняться каким-либо законам, и так далее. Есть ли хотя бы минимальная доля вероятности того, что кто-нибудь из мужчин или женщин, полностью стряхнувших с себя оцепенение, мог бы предаться тем безумным вещам, которые ожидают сейчас от него или от нее в каждое мгновение суток?» (*Генри Миллер, «Мир Секса», 1000 экземпляров напечатаны Дж. Н. Х. для друзей Генри Миллера, 1941 г.*).

«Люди просто должны научиться держаться от нас подальше и не путаться под ногами. Мы вырубим каждого, кто попытается встать у нас на пути» (*из разговора Ангела Ада с полицейским*).

«Лучше быть Царем в Аду, чем прислуживать в Раю» (*Джон Мильтон, «Потерянный Рай»*).

Утро Пробега на Монтерей. День труда 1964 года. Бродяга Терри проснулся совершенно голый и абсолютно измудоханный. Накануне ночью его избили и вырубил цепью у порога «Окленд-бара» девять «Диаблос», из враждебного мотоклуба с Ист-Бей. «Я припечатал одного из их членов раньше, – объяснил Терри, – а они не оценили этого по достоинству. Сидел я там в баре с двумя другими Ангелами, но они благополучно свалили, и как только я остался один, эти ублюдочные «Диаблос» вышвырнули меня из бара на улицу. Они довольно здорово меня оприходовали, так что мы потом полночи их искали».

Поиски ни к чему не привели, и незадолго до рассвета Терри вернулся в маленький дом Скрэггса в Сан-Леандро, где жил со своей женой и двумя ребяташками. Скрэггс, бывший боксер 37 лет, дравшийся однажды с Бобо Ольсоном, был старейшим из Ангелов, который еще путешествовал на колесах. И у него была жена и тоже двое детей. Но когда Терри в поисках работы переехал тем летом из Сакраменто в Бэй-Эреа, Скрэггс предложил ему койку и стол. Их жены быстро нашли общий язык, дети скорешились, а Терри устроился на работу по соседству, на сборочном конвейере завода «Дженерал Моторз» – само по себе это было признанием того, что человеческая уступчивость по-прежнему остается в рабочем движении Америки бакалейным товаром. Но достаточно было бросить всего лишь один взгляд на Терри, чтобы понять, что он относится к категории людей, которые беспросветно обречены быть безработными. Он был совершенно бесполезным существом, неким гибридом Джо Палока и Вечного Жида.

Ростом он шесть футов и два дюйма, весом – 210 фунтов, с массивными, тяжелыми ручищами, окладистой бородой, черными волосами до плеч и дикой вызывающей манерой поведения, совершенно не предназначенной для умиротворения души любого квалифицированного специалиста на заводе. И кроме того, в свои двадцать семь лет Терри обзавелся

длинным и скверным списком полицейских приводов: множество арестов по обвинению в мелких кражах, нанесении побоев, изнасиловании, правонарушениях, связанных с наркотиками, куннилингусе в общественном месте – но при всем при этом он умудрился не совершить ни одного тяжкого преступления! То есть официально он был виновен не более любого высокодуховного гражданина, который в любой момент может выкинуть что-нибудь эдакое в приступе животной слабости, подогретой алкоголем или жаждой насилия.

«Да-а, но этот список привлечений к уголовной ответственности в прошлом – полная хуйня, – настаивает он. – Большая часть обвинений – липа чистой воды. Я никогда не считал себя преступником. Я не лезу для этого из кожи вон, и для этого я недостаточно жаден. Все, что я делаю, – естественно, потому что мне просто надо так поступить». И затем, помолчав немного, он добавляет: «Но я понимаю, что даже если я не преступник, то слишком долго искал судьбу. Довольно скоро они пришлют мне одну из этих чертовых мудней, и тогда – до свидания, Терри, на весь остаток дней твоей распрекрасной жизни! Думаю, приходит время рвать когти, поехать на Восток, может, в Нью-Йорк или в Австралию. Помню, у меня в свое время была профсоюзная карточка актеров, когда я жил в Голливуде. Черт, да я смогу восстановить ее где угодно, даже если я полнейший мудозвон».

В любую другую субботу он мог бы спать до двух или трех дня, затем снова отправиться на улицу с дюжиной-другой таких же братков, разыскать «Диаблос» и метелить их до состояния желе. Но пробег в День труда – самое большое событие в календаре Ангелов Ада; это ежегодное сборище всего клана «отверженных», тотальная трехдневная пьянка, которая почти всегда выливается в какое-то дикое, грубое и разнузданное действо, до глубины души шокирующее толстозадых «цивилов». Ни один из Ангелов не имеет права пропустить это действо, если, конечно, он только не угодил в тюрьму или не переломал себе все руки-ноги. Пробег в День труда – ответ пасынков закона на хороводы вокруг новогодней елки; это самое время, чтобы распить с корешами кувшин вина, намять косточки старым друзьям, поблядствовать втихаря и при полном параде учинить безумие. Все зависит от погоды и количества сделанных за неделю междугородных звонков, но в любом случае от двухсот до тысячи «отверженных» нарисуются во время тусовки, причем добрая половина из них уже будет бухая, к тому времени как доберется до места сбора.

К девяти часам утра и Терри, и Скрэггс уже были на ногах. Месть беспредельщикам из «Диаблос» может подождать. Сегодня – только пробег, и только он!

Терри закурил сигарету, любовно ощупал шишки и шрамы на своем теле, затем натянул на себя заскорузлые «левайс» (никакого нижнего белья), тяжелые черные сапоги и красный бумажный засаленный спортивный свитер, пахнущий старым вином и крепким мужским потом. Скрэггс, пока его жена грела воду для растворимого кофе, «уговорил» банку пива. Детей еще вечером эвакуировали к родственникам. Снаружи уже нестерпимо наяривало солнце. Лениво рассеивающийся туман еще прикрывал залив и Сан-Франциско. Байки были надраены до блеска, бензобаки залиты горючим под завязку. Осталось лишь собрать всю свободную наличку, или марихуану, которая могла валяться рядом с матрацами, привязать спальные мешки к мотоциклам и надеть знаменитые преступные «цвета». «Цвета», имеющие первостепенное значение... единственную униформу, играющую роковую роль в определении принадлежности к клубу, которую генеральный прокурор Калифорнии достаточно точно описывал в сумбурном, но неоднократно цитируемом официальном документе, озаглавленном «Мотоциклетные клубы Ангелов Ада».

«Эмблема Ангелов Ада, так называемые «цвета», состоит из нашивки с крылатым черепом, облаченным в мотоциклетный шлем. Сразу под крылом эмблемы есть буквы МС. А над всем этим – полоса с надписью «Ангелы Ада». Под эмблемой есть другая нашивка с названием местного отделения, обычно это аббревиатура города или района. Такие нашивки, как правило,

пришиваются на спину хлопчатобумажных рубашек без рукавов. Кроме того, членов этого сообщества видели с различными знаками отличия люфтваффе и копиями немецких Железных крестов. Многие предпочитают отпускать бороды, а их волосы – обычно длинные и нечесанные. Некоторые продевают одну серьгу в проколотую мочку уха. Очень часто они носят пояса, сделанные из полированных мотоциклетных приводных цепей, которые можно размотать и использовать в качестве оружия.

Ангелы Ада, похоже, отдают предпочтение огромным, тяжелого типа мотоциклам американского производства («Харли-Дэвидсонам»). Члены клуба обычно дают друг другу клички, производные от их «цивильных» имен, и под этими кличками они заносятся в клубные списки. Некоторые клубы делают татуировки при обряде инициации, цена за которые включается в плату за посвящение. Возможно, главным признаком при определении принадлежности к числу Ангелов Ада следует считать их обычное гнусное поведение. Офицеры полиции, ведущие дознание, то и дело сообщают, что этим людям, будь то сами члены клуба или же их подружки, не помешало бы как следует вымыться. Отпечатки пальцев очень полезны при установлении личности, т. к. многие Ангелы Ада имеют солидный криминальный послужной список.

Некоторые члены «Ангелов Ада», так же, как и члены других пользующихся дурной славой мотоциклетных клубов, принадлежат к группе, расцениваемой ими как элитная, так называемому «Одному Проценту» – которая каждый месяц устраивает сборы в различных местах в Калифорнии. Местные клубы «Ангелов Ада» обычно назначают встречу каждую неделю... Необходимые требования для вступления в клуб или условия для получения разрешения носить нашивку, свидетельствующую о твоей принадлежности к «1 %», на данный момент неизвестны... На другой нашивке, которую носят некоторые члены, стоит номер «13». По имеющимся данным, здесь есть прямая связь с тринадцатой буквой алфавита – «М», с которой начинается слово «марихуана», и это, в свою очередь, указывает, что носящий такую нашивку человек употребляет этот наркотик».

Это сжатое описание прогорклой криминальной неряшливости в значительной степени отвечает действительности, за исключением лишь фокуса-покуса с «одним процентом». Такую нашивку носят все Ангелы, как и большинство других «отверженных» – это означает, что они гордятся своей принадлежностью к части мнимого «одного процента» байк-райдеров, которых Американская Мотоциклетная Ассоциация отказывается признавать. А. М. А. – это корыстная лапа Motorcycle, Scooter and Allied Trades Association, быстро растущего мотоциклетного лобби, отчаянно пытающегося насадить в народе респектабельный имидж – тот самый имидж, который Ангелы Ада с удивительной последовательностью портили. «Мы осуждаем их, – говорит директор А. М. А. – Их бы осуждали, если бы они ездили на лошадях, мулах, занимались серфингом и скейтбордом, катались на велосипедах. Но, к величайшему сожалению, они взяли за мотоциклы».

А. М. А. утверждает, что говорит от имени всех благопристойных, добропорядочных мотоциклистов, тогда как где-то около пятидесяти тысяч ее членов (согласно материалам одного из специализированных журналов) составляют меньше пяти процентов от 1 500 000 мотоциклистов, зарегистрированных в Штатах в 1965 году. При таком подсчете оставалось неучтенным великое множество «беспредельщиков» – outlaws.

* * *

Терри и Скрэггс ушли из дома около десяти, без особого труда проехали через центр Окленда, сдерживая рычание моторов, прекрасно представляя себе те взгляды, которыми их одаривали из проезжавших мимо автомобилей или люди на углу улиц. Сначала они строго соблюдали правила остановки и ограничения скорости, но затем они ни с того ни с сего поддали газу за полквартала от дома Томми, вице-президента местного филиала, где их дожидались все остальные. Томми жил на спокойной, со следами вырождения жилой улице в Восточном Окленде... старом районе, с маленькими, когда-то выкрашенными белой краской домиками, сидящими близко друг к другу на крохотных участках земли, и редкими лужайками с подстриженной травой, истоптанными поколениями разносчиков газет, доставляющих сюда *Oakland Tribune*. И сейчас, в это праздничное утро, его соседи уже выстроились у парадного входа своих домов или выглядывали из окон гостиных, наблюдая, как набирает обороты столь омерзительное, с их точки зрения, шоу. К одиннадцати часам здесь болталось уже около тридцати Ангелов Ада, наполовину перекрыв узкую улицу, крича, распивая пиво, раскрашивая зеленым свои бороды. Они то и дело заставляли реветь моторы своих байков, поправляя свои костюмы и тузя друг дружку, чтобы «войти в раж». Отдельной стайкой довольно мирно стояли девицы в узких облегающих брюках, голубых косынках, блузах без рукавов или свитерах, в сапогах и черных очках, с аппетитными грудями, выпирающими из лифчиков. Ярко накрашенные губы и пустое, настороженное выражение лиц, за которым все еще скрывается ожидание чего-то доброго и светлого, – это потом они становятся мелочными, злобными и неприветливыми от слишком горькой житейской мудрости, которой они успеют нахлебаться в будущем. Как и Ангелам, девушкам, в большинстве своем, было за двадцать – хотя некоторые были еще явно подростками, а парочка-другая выглядели вполне созревшими для сбора урожая блядьми, предвкушавшими здоровый уик-энд на свежем воздухе.

Если собираются Ангелы, будь их хоть всего пятеро или же сто пятьдесят, – главный определяется среди них безошибочно: Ральф «Сонни» Баргер, бесспорный лидер, шести футов ростом, 170 фунтов веса, владелец склада из Восточного Окленда – самая светлая и клевая голова во всей обойме, крутой, быстро соображающий дилер, наметься лишь хоть какое-нибудь дельце. Он – то фанатик, то философ, то скандалист, то хитрый и тонкий соглашатель, то, наконец, судья в последней инстанции. Для Ангелов Окленда он – Ральф. Все остальные называют его Сонни... Хотя, когда вечеринка переходит в дикую, разнузданную стадию, он откликается и на такие клички, как През, Папа и Дэдди. Слово Баргера – закон, несмотря на то что многие в тусовке могли бы уделывать его в два счета, если бы дело дошло до драки. Но такого никогда не случалось. Он редко повышает голос – разве только в ссоре с чужаками. Любые другие персонажи из табели о рангах стараются держаться тише воды, ниже травы на регулярных пятничных вечеринках, в противном случае их изображение просто-напросто исчезнет с экрана бытия и навсегда изменит их манеру поведения и образ мыслей, да так, что дорожки их никогда больше не пересекутся с Ангелами Ада.

Если сборище у дома Томми было несколько беспорядочным, то лишь потому, что Сонни парился в реабилитационном центре, отбывая там шестимесячный срок за хранение марихуаны. Когда Сонни упекли в тюрьму, остальные свели все действия до минимума – хотя Томми в своей спокойной, непритязательной манере весьма неплохо управлял байк-шоу. Он был на год младше Баргера: чисто выбритый двадцатилетний блондин, при жене и двоих детях, зарабатывал 180 долларов в неделю на стройке. Он давал себе отчет в том, что только замещает здесь Презу, но также осознавал, что Ангелы Окленда должны организовать мощное, полнокровное появление на Пробеге в День Труда. Если они дадут

слабину, то духовное лидерство вернется назад в Южную Калифорнию, как то и было в незапамятные времена, в филиал в Сан-Бернардино (или в Берду) – к отцам-основателям, которые заварили всю эту кашу в 1950 году и создавали все новые и новые отделения братства на протяжении почти пятнадцати лет. Однако активность полицейских патрулей на юге вынудила многих Ангелов искать убежища в Бэй-Эреа. К 1965 году Окленду оставалось совсем немного, чтобы стать столицей мира Ангелов Ада.

До их оглушительного исхода было очень много разговоров о «Диаблос» и о том, какая такая шизофрения или неизвестный наркотик заставили их совершить столь фатальную ошибку – напасть на Ангела-одиночку. Разумеется, это было обычное молотилово, отложенное в долгий ящик¹, разговоры о котором продолжались, как только они двинулись по фривэю в простой двухчасовой пробег до Монтерея. Полуденное солнце жарило вовсю, многие райдеры сняли свои рубашки и расстегнули черные жилеты, и «цвета» развевались позади них по ветру, как плащи всадников, а из попадающихся навстречу машин можно было лицезреть их обнаженные торсы – впечатляющее зрелище на всю жизнь: мертвого из могилы подымет. Ведущие на юг дороги были забиты налогоплательщиками, собиравшимися весело провести уик-энд Дня труда, и вдруг их безмятежное состояние неожиданно разбивается чувством жуткого страха, как только банда Ангелов пронесется мимо – эта толпа животных на больших колесах, отправляющаяся куда-то работать на публику, со всем их адским шумом, волосами и разгульными инстинктами насильников... Многих автомобилистов охватывало искушение резко отвернуть влево, без предупреждения, и раздавить в лепешку этих надменных скорпионов.

В Сан-Хосе, в часе езды к югу от Окленда, строй Ангелов был остановлен двумя дорожными патрульными штата, что спровоцировало образование автомобильной пробки на сорок пять минут в направлении к 17-й и 101-й. Одни просто останавливали свои машины, чтобы поглазеть на происходящее. Другие сбрасывали скорость до десяти или пятнадцати миль в час. Как только поток машин увеличился, образовался жуткий затор, над которым нависло едкое облако выхлопных газов, моторы задымилились от перегрева и начались мелкие стычки.

«Они выписали штрафы всем, кому могли, – говорит Терри. – Такая херня, как слишком низкие сиденья, слишком высокие рули, отсутствие упора для пассажиров, – и как всегда они проверили нас на старые ордера на аресты, вызовы в суд или штрафы, которые мы никогда не оплачивали, или любую другую чертову штуку, какая им только могла прийти в голову. Но движение действительно застопорилось, и все эти люди пялились на нас во все глаза, и, наконец, с Божьей помощью, капитан дорожного патруля сдрейфил и пожелал этим выродкам всего хорошего «за создание угрозы дорожного инцидента», или как там он высказался. Мы долго ржали, а потом снова тронулись в путь».

«Здесь, в Монтерее, к нам относятся неплохо. В большинстве других мест нас просто вышвыривают за пределы города» (*из беседы Френчи из Берду с репортером всего за несколько часов до того, как Ангелов выгонят и отсюда*).

Между Сан-Хосе и поворотом к Монтерее 101-я изящно пролегает через богатые фермерские хозяйства в районе предгорья Санта-Круз. Кажется, что Ангелам Ада, едущим по двое в каждом ряду, не хватит места в маленьких городах типа Койот или Гилрой. Люди выбегали из закусочных и галантерейных магазинов поглазеть на этих легендарных Гуннов из Большого Города. На перекрестках нервно прохаживались местные копы, глубоко в душе

---

¹ В течение месяца «Диаблос» развалились, зашуганные целой серией драк, избиений и маханий цепями; Ангелы отлавливали их по одному и делали из них котлету. «Подобные эксцессы случаются не так часто, – объяснял позже Терри. – Другие клубы обычно с нами не связываются, потому что такой конфликт означает для них одно – гроб с музыкой».

лелея надежду, что Ангелы спокойно проедут и не доставят особых неприятностей. Это было равносильно неожиданному и глубокому прорыву в тыл колонны вьетконговских партизан, которая появилась бы здесь, сомкнув ряды, быстро прошествовала бы вниз по самой середине главной улицы, спеша на какое-то кровавое randevu. Причем об этом randevu в городе никто даже и не попытается узнать, пока эти грязные содомиты будут двигаться мимо.

Ангелы действительно стараются избежать неприятностей на дороге. Ведь даже мелкое происшествие, пустяковый арест в каком-нибудь провинциальном городке в самом начале праздничного уик-энда может означать три дня в тюрьме, отсутствие на вечеринке и максимум удовольствий, когда действие наконец переместится в здание суда. Они знают также, что вдобавок к первоначальному обвинению – обычно их обвиняют в нарушении правил движения или в мелком хулиганстве – они могут быть обвинены в оказании сопротивления при аресте, а это уже тянет на срок до 30 дней за решеткой, тюремную стрижку под ноль и штраф приблизительно в 150 долларов. Сегодня, после стольких полученных ими весьма чувствительных уроков, они приближаются к маленьким городам точно так же, как коммивояжер из Чикаго приближается к известной ловушке «за превышение скорости» в Алабаме. В конечном счете идея проста как апельсин – без напрягов добраться до места назначения и не сигналить при виде деревенских копов, выстроившихся по всему пути движения колонны.

На этот раз целью путешествия была большая таверна «У Ника» – шумное место в основной точке под названием Дель-Монте, рядом с Кэннери Роу в центре Монтеррея. «Мы точнехонько проехали полгорода через все машины и прочее дерьмо, – вспоминает Терри. – Большинство парней, кроме меня самого, знали «У Ника». Я был в тюрьме, когда они туда захаживали. Раньше трех часов мы к нему не подъезжали, потому что должны были дожидаться на бензоколонке на 101-й нескольких припозднившихся ребят. Нас было сорок или пятьдесят байков, когда мы туда добрались. Берду присоединился к нам с семьюдесятью пятью, и люди продолжали прибывать всю ночь. На следующее утро там было уже около трехсот байкеров, съехавшихся со всех сторон.

Официально считалось, что целью тусовки был сбор денег для отправки тела бывшего Ангела к своей матери в Северную Каролину. Кеннет Кантри Бимер, вице-президент филиала в Сан-Бернардино, был несколько дней назад раздавлен в лепешку грузовиком в пустыне у деревушки Якумба, неподалеку от Сан-Диего. Кантри погиб в лучших традициях «отверженных»: бездомный, без крыши над головой, без копейки и даже без хлебной крошки в кармане... Единственным его богатством были «цвета» на спине да огромный надраенный до блеска «харлей». Остальные видели катастрофу, но самое большее, что они могли сделать, так это подобрать его останки и отослать их назад в Каролину, в знак уважения и как дань памяти друга и его семье или дому, какими бы они ни были. «Это необходимо было сделать», – сказал Терри.

Недавняя смерть приятеля придавала сходке 1964 года оттенок особой торжественности, над которой не могла подшучивать даже полиция. Копы считают, что подобное проявление чувств сомнению не подлежит: отдается последняя дань памяти павшему товарищу, собираются деньги для матери и устраивается небольшое помпезное зрелище с переодеванием в байкерскую униформу, чтобы шоу выглядело по-настоящему. С почтительным уважением ко всему задуманному действию полиция Монтеррея сделала заявление о том, что она может принять Ангелов, находясь в состоянии вооруженного перемирия, когда каждый держит ухо востро.

Первый раз за многие годы «отверженных» встречали даже с некоей видимостью гражданского гостеприимства – и на поверку этот раз оказался последним. Когда солнце взошло этим изумительным тихоокеанским субботним утром, до знаменитого Монтеррейского изнасилования, которое займет умы представителей национальной прессы и выплеснется огром-

ными заголовками на первые страницы газет, оставалось менее суток. Вся страна скоро узнает, кто такие Ангелы Ада, и вся страна будет дрожать от страха при одном только упоминании о них. Их кровавый, пьяный и запятнанный спермой образ станет узнаваемым для всех читателей *The New York Times*, *Newsweek*, *The Nation*, *Time*, *True*, *Esquire* и *The Saturday Evening Post*. В течение шести месяцев во всех небольших городишках, на всей территории от одного побережья к другому, при одном лишь слухе о возможном «вторжении» Ангелов Ада жители будут вооружаться до зубов. Все три главных телевизионных канала начнут охотиться на них со своими камерами, и их публично осудит в сенате США бывший чечеточник Джордж Мерфи. Конечно, такая мысль может показаться странной, но создавалось впечатление, что эта банда разряженных хулиганов сошла в Монтерее тем утром, заранее решив «раздуть из мухи слона», как говорят люди из шоу-бизнеса, и получить здоровый кусок пирога своего успеха за счет странной мании к насилию, что взгромоздилась на плечи американской журналистики, как какой-нибудь глумливый, мастурбирующий ворон. Ничто так не радует глаз редактора, как рассказ о хорошем изнасиловании. «На этот раз мы действительно сорвали им башню», – вот как объяснил происходившее один из Ангелов. Если верить газетным заголовкам, по крайней мере двадцать этих грязных наркоманов и пьяниц отбили двух девочек-тинейджеров в возрасте четырнадцати и пятнадцати лет у их до смерти запуганных приятелей, привезли в песчаные дюны, где «неоднократно изнасиловали», а иначе говоря – вставили «хоровой пистон».

НЕОДНОКРАТНО... ИЗНАСИЛОВАНЫ В ВОЗРАСТЕ 14 И 15... ВОНЮЧИМИ, ВОЛОСАТЫМИ ГОЛОВОРЕЗАМИ

Помощник шерифа, приглашенный одним из бывших ухажеров пострадавшей, заявил, что «приехал на пляж и увидел огромный костер, окруженный мотоциклистами обоих полов. Затем две захлебывающиеся от рыданий, на грани истерики, девушки выскочили из темноты, умоляя о помощи. Одна из них была совершенно раздета, а на другой оставался только разорванный свитер».

И здесь, дорогой Иисус, возникает безвкусный, пошлый и плоский образ, гарантирующий вскипание крови в жилах членов общества и приводящий в бешенство любое человеческое существо с женской плотью из-за скорбной участи, постигшей ему подобных. Двух невинных молодых девочек, гражданок Америки, уволокли в дюны и отодрали во все дыры, как уличных шлюх. Один из ухажеров сказал полиции, что они пытались спасти девушек, но физически не смогли помешать дикой сцене, которая разыгралась, как только с жертв сорвали одежды. Прямо здесь, на теплом песке, при голубом лунном свете, в кругу злобных хулиганов... их трахали снова и снова.

На следующее утро Бродяга Терри оказался в числе четырех Ангелов, арестованных за групповое изнасилование, что предусматривало наказание сроком от одного года до пятидесяти лет в исправительной колонии. Он пошел в несознанку и отверг все обвинения в совершении этого преступления, как сделали раньше Мать Майлз, Торпеда Марвин и Безумный Крест. И несколько часов спустя, после временного задержания в Салинасе, окружной тюрьме Монтерея, их выпустили под незначительный залог в 1100 долларов за каждого, прямо там, в стране Стейнбека, в долине пряного латук-салата, принадлежащей по большей части проворным представителям «деревенщины» второго поколения, которым удалось выбраться из Аппалачей, пока прибыль была хороша. А теперь эти расторопные парни платят другим, менее сообразительным хиллбиллиз, надзирающим за работой мексиканских батраков, чья естественная привычка к поденному труду была так объяснена вездесущим сенатором Мерфи: «Они и на свет появились такими вот согнутыми, стелящимися по земле, – заявил он, – так что им проще гнуть спину на плантациях».

Именно. А так как сенатор Мерфи назвал Ангелов Ада также «низшей формой животных», из этого, вероятно, следует, что они лучше всего приспособлены к бессмысленному изнасилованию любой обессиленной женщины, которой они могут задрать юбку, пока несутся из одного места в другое с хуями, обвисшими, как пруттик водоискателя. Что не так далеко от истины, да только по другой причине, нежели та, с помощью которой калифорнийский «экс-быстроногий» сенатор пытается заставить нас в эту истину поверить.

Никто, конечно, не знал, пока Ангелы собирались в ту субботу «У Ника», что они намеревались осуществить прорыв к всенародной известности на уровне «Битлз» и Боба Дилана с помощью изнасилования. В сумерках, когда оранжевое солнце быстро скатилось в океан за милю с небольшим от места происшествия, ставшее впоследствии главным событием вечера абсолютно не входило ни в чьи планы, и основные действующие лица – или жертвы – практически не привлекали внимания шумной толпы, заполнившей бар «У Ника», где яблоку негде было упасть, или предававшейся беспредельному пьянству на темной улице.

Терри сказал, что он воспринимал девиц и «ухажеров» лишь как часть общей картины. «Главная причина, по которой их запомнил: да я просто никак в толк не мог взять, что эта белая беременная девица делает в компании с цветными пижонами. Я врубался, что это ее личное дело, да и по-любому не стал бы париться из-за этой киски. Со мной была моя старушка – сейчас-то мы расстались, но тогда все складывалось о'кей, и она бы не потерпела, чтобы я еще кого-то клеил, когда она рядом. Черт, да кроме того, когда видишь старых друзей, с которыми не виделся год или два, у тебя просто нет времени, чтобы прикалываться к незнакомцам».

Единственное, с чем соглашаются Терри и другие Ангелы, – в связи с первым появлением «жертв», – это то, что «им, как пить дать, не было ни четырнадцать, ни пятнадцать, старик; каждая из этих девиц тянула здорово за двадцать». (Позже полиция подтвердила возраст девушек, но вся другая информация о них – в том числе и имена – была засекречена в соответствии с политикой штата Калифорния по вопросу запрета на общение представителей прессы с жертвами изнасилования.)

«Я даже не могу сказать, где были эти девчонки, – продолжает Терри. – Просто не помню. Точно знаю одно – в баре «У Ника» у нас никаких неприятностей не было. Копы там то и дело светились, но только лишь для того, чтобы держать дистанцию между нами и ротозеями. Все та же старая история, как и в любом другом месте, куда бы мы ни направлялись: машины, образующие пробку на улице у бара, местные говнюки, рыскающие неподалеку, молодые девчонки в поисках приключений и орава обычных клиентов «У Ника», просто разбавивших компанию на вечеринке. Легавые сделали правильно, что болтались рядом. Где бы мы ни появлялись, какой-нибудь местной урле обязательно неймется выяснить, насколько мы крутые. Если там нет копов, то тогда нам приходится кому-то оторвать, например, почку. Черт, да никому не нужны проблемы во время пробега. Все, что мы хотим, – это немного повеселиться и расслабиться».

Тем не менее, ходят слухи, что у Ангелов Ада есть какие-то странные и запредельные идеи относительно веселья и расслабухи. В том случае, если Ангелы, помимо всего прочего, являются «низшей формой животных», не только сенатор Мерфи может предполагать, что они сольются в единой пьяной массе лишь для таких возвышенных развлечений, как пинг-понг, шафлборд и вист. Их пикники уже давно славились довольно зверскими видами развлечений, и любая молодая девчонка, которая покажется в лагере Ангелов Ада у огромного костра в два часа ночи, считается «отверженными» течной самкой. Так что вполне естественно, что две девицы привлекли больше внимания, когда приехали на пляж, а не когда они тусовались в компанейском бедламе «У Ника».

В большинстве газетных публикаций был опущен один аспект этого дела, который следовало бы рассмотреть, вооружившись элементарной логикой: каким образом эти две моло-

дые девушки смогли оказаться на пустынном пляже за полночь с несколькими сотнями пьяных головорезов на мотоциклах? Их похитили из бара «У Ника»? И если так, то что они тогда делали в этом месте в возрасте четырнадцати или пятнадцати лет, болтаясь весь вечер в баре, забитом до отказа представителями наиболее одиозной мотоциклетной банды outlaws? Или их, истерично визжавших, схватили где-нибудь на улице, у светофора, перекинули через бензобак застоявшихся в стойлах «харлеев» и умчали в ночь, пока хилые свидетели камни от ужаса?

Полицейские стратеги, думая, как бы изолировать Ангелов, зарезервировали для них кэмпинг в отдалении от города, на пустынном участке дюн между Монтерей Бей и Форт Ордом, Центром армейской строевой подготовки. Объяснение было вполне вразумительным: звери будут загнаны в место, где смогут сожрать друг друга в безумстве оргии, не представляя никакой опасности для благопристойных граждан. А если дела выйдут из-под контроля, рекруты через дорогу будут выдернуты из постелей и поставлены под ружье. Полиция выставила на хайвее патрули на тот случай, если Ангелов одолеет бессонница и они захотят вернуться в город. Однако возможности полностью перекрыть стоянку у копов не было, впрочем, им трудно было предусмотреть все меры предосторожности для сдерживания местных девственниц, которые могли вляпаться в историю из-за собственного любопытства или по другим, более зловещим и темным причинам, о которых в полицейских учебниках не говорится ни слова.

Потерпевшие рассказали полиции, что они приехали на пляж, потому что «хотели посмотреть на мотоциклистов». Они просто умирали от любопытства – даже после нескольких часов, проведенных в баре «У Ника», который был так переполнен тем вечером, что большинство outlaws предпочитали облеγχаться прямо на парковке, нежели сражаться за право попасть в клозет.

«Черт возьми, да эти манды приехали сюда не для того чтобы песенки петь, – говорит Терри. – Они здорово нагрузились и хотели залезть кому-нибудь в штаны, но там было слишком много парней... И от свободы выбора у них крыша поехала. Начнем с того, что для них все это было прикольно. Затем все больше и больше парней стали исчезать за дюнами... со словами «Yeа, russy» – ну ты знаешь, с такими прикамбасами... а эти манды упорно не давали. Их хлыщи просто смылись, мы никогда их больше не видели. Я не знаю точно, чем все это закончилось. Я знаю только, что там, в дюнах, имели каких-то мамочек, но я и моя старушка довольно рано отправились на боковую. Я был настолько измотан, что вообще ничего не мог с ней сделать».

Все толстые газеты сочли бессмысленным приводить версию случившегося, выдвинутую самими Ангелами, однако шесть месяцев спустя, играя в пул в одном из баров Сан-Франциско, Френчи так вспоминал о том эпизоде: «Одна девица была белая и беременная, другая была цветной, и с ними было еще пять цветных жеребцов. Они ошивались «У Ника» около трех часов в субботу вечером, выпивали и трепались с нашими райдерами, а затем отправились с нами на пляж – они и их пять бойфрендов. Все стояли вокруг костра, пили вино, и кое-кто из наших парней говорил с ними – клеили их, как водится, не без этого. И довольно скоро кто-то спросил двух телок, не хотят ли они подогреться: ну ты знаешь, не хотят ли они покурить немного шмали. Они согласились и затем отправились с какими-то ребятами в дюны. Цветная пошла туда с несколькими парнями, а потом захотела уйти, но беременная слишком обдолбалась, чтобы сдвинуться с места; первых четырех или пятерых парней она действительно хватала своими лапами, но после ее тоже отпустило. А к тому времени один из ее бойфрендов чего-то испугался, и он отправился за легавыми – вот и вся история».

«На следующее утро, – рассказывал Терри, – я поехал вместе с кем-то – забыл, правда, с кем точно – в один ресторан для автомобилистов на хайвее, где мы слегка перекусили.

Когда мы вернулись на пляж, там на дороге были установлены заграждения, и эти две манды сидели в полицейской машине, разглядывая всех и каждого. Я не сразу врубился в то, что происходит, но затем коп сказал: «Ты – первый» – и защелкнул у меня за спиной наручники. Эти чертовы девицы хихикали, прямо-таки заходились от смеха... ну, ты знаешь. «Ха-ха, вот один из них». Так я угодил в корзину за изнасилование.

Когда нас привезли в тюрьму, я сказал: «Эй, я хочу, чтобы меня проверили. Позовите сюда доктора. Я ни с кем не трахался уже два дня». Но им это было не нужно. Марвин, Майлз и Безумный Крест уже были там, и мы врубались, что оказались по уши в дерьме, пока нам не сказали, что залог составит всего лишь одиннадцать сотен долларов. Тогда мы поняли, что они много не выжмут из этого дела, оно яйца выеденного не стоит».

Тем временем, прямо на Марина-Бич, остальных Ангелов окружил полицейский эскорт и сопровождал на север по 156-му хайвею по направлению к границе округа. Медлительных основательно охаживали полицейскими дубинками по спинам и приказывали пошевеливаться. Окружные дороги были перекрыты подразделениями полиции штата, пока десятки помощников шерифа в шлемах – многие из окрестных округов – гнали «отверженных» сквозь строй. На целые мили образовались транспортные заторы, в то время как оборванная, лохматая орда медленно двигалась вдоль дороги, ревя моторами своих коняг и осыпая ругательствами всех, кто попадался им на пути. Стоял такой оглушительный шум, что было очень трудно представить себе, какой эффект этот спектакль сможет произвести на десятки припозднившихся летних туристов, которые сворачивали на обочину, уступая процессии дороге. Близость Армейской базы сбивала их с толку, они поначалу полагали, что освобождают дорогу колонне танков или, по крайней мере, чему-то несомненно впечатляющему и военному, а уж потом их взору представлялась армия хулиганов, двигавшаяся по дороге, как стадо паршивых овец. Ох, вот настоящий кошмар для Калифорнийской торговой палаты!

На границе округа по 101-й дороге репортер из *The San Francisco Chronicle* взял интервью у Томми и у другого Ангела по имени Тайни, ростом 6,6 фута, весом 240 фунтов, outlaw с похожей на свиной хвостик косичкой до плеч. Тайни позже стал известен всей стране благодаря своему нападению в Беркли на демонстрацию, проходившую под лозунгом «Вон из Вьетнама!».

«Мы – обычные ребята, – сказал Томми. – Большинство из нас работают. Думаю, почти половина – женаты, а у некоторых есть собственные дома. Копы доставляют нам неприятности везде где только можно просто потому, что мы любим ездить на мотоциклах. Это обвинение в изнасиловании – полное фуфло, и в суде оно не прокатит. Все решалось добровольно и полюбовно».

«Все это – дерьмо собачье, да наш поручитель вытащит ребят на волю за два часа, – добавил Тайни. – Почему бы людям не оставить нас по-любому в покое? Все, чего мы хотим сейчас, это иметь возможность собраться вместе и немного повеселиться – прямо как масоны или какая-либо другая организация».

Но пресса уже вошла в раж, и заголовки через все восемь полос истошно вопили: **ИЗНАСИЛОВАНИЕ БАНДОЙ АНГЕЛОВ АДА**. Масонам такая популярность не снилась с восемнадцатого века, когда Казанова забирался по веревочным лестницам в чужие окна, гарантируя братству дурную славу.

Может, наступит время, и Ангелы вслед за Вольными каменщиками отойдут в категорию буржуазного одряхления, но к этому моменту уже какая-нибудь другая организация займет их место на первых страницах газет, став героем скандальных заголовков: например банда парашютистов имени Эдгара Гувера или какая-нибудь другая, некогда стерильная и дружественно настроенная группа, которая уже сейчас вооружается и модернизируется, чтобы в будущем как следует распесочить бывших братьев по разуму.

Какие тенденции наметились в деятельности «Kiwanis»? В Окленде ходят слухи об очередном подъеме воинственного духа в этом образовании радикального толка, способном полностью изменить имидж клуба. Учитывая быстротечность нашего времени и направление развития нашего общества, довольно легко представить себе, как однажды воскресным утром, лет этак через десять – двадцать, группа мужчин средних лет, в черных блейзерах с гербами Ангелов Ада на карманах, будет вышагивать взад и вперед по своим заложенным и перезаложенным гостиным и печально бормотать себе под нос, читая очередной сенсационный заголовок: **ИЗНАСИЛОВАНИЕ БАНДОЙ KIWANIS. ЧЕТВЕРО ЗАДЕРЖАНЫ, ОСТАЛЬНЫЕ СКРЫЛИСЬ, ГЛАВАРИ РАЗЫСКИВАЮТСЯ.**

И в каком-то шокированном до глубины души американском городе шеф полиции скажет, повторяя высказывание шефа полиции Монтерея в 1964 году об Ангелах Ада: «Их возвращение нежелательно из-за той атмосферы, которую они сами создали».

Создание угрозы, 1965

2

«Ежедневная пресса – злая основа современного мира, и время только способствует обнажению этого факта со все большей ясностью. Способность газеты к дегенерации софистически безгранична, и с этого момента она может падать все ниже и ниже в выборе своих читателей. В конце концов она будет возбуждать нервные окончания всех этих отбросов человечества, которые ни государство, ни правительство не могут контролировать» (*Серен Кьеркегор. «Последние годы. Дневники 1853–1855»*).

«Самое лучшее среди Ангелов – то, что мы никогда не лжем друг другу. Разумеется, откровенность не канает в случае с чужаками, потому что мы должны отвечать ударом на удар. Черт, да от большинства людей, которых ты встречаешь на своем пути, правды вообще не дождешься» (*Зорро, единственный бразильский Ангел Ада*).

«Это было частью передовицы» (*из объяснений Артура Шлезингера-младшего, почему он солгал представителям прессы относительно Вторжения в Залив Свиней*).

Политики, как редакторы и копы, весьма падки на истории о грубом попрании закона, и Фред Фарр, сенатор штата от округа Монтерей, не является исключением. Он – путеводная звезда в кругах Кармел-Пebbл-Бич, и ни разу в своей жизни не яхшался с хулиганами, тем более с бандой насильников, которая вторглась на территорию его избирательного округа. Его реакция на заголовки газет по монтерейскому делу была незамедлительной и громкой. Фарр потребовал немедленно провести расследование по Ангелам Ада и всем остальным негодьям подобного толка, отсутствие социального статуса у которых ставило их в один ряд с «прочим отребьем». В ограниченном мирке больших мотоциклов, продолжительных пробегах и разборок на классовой почве санкционированная штатом разработка нового пласта еще больше раздула величие Ангелов Ада. В результате они стали Номером Один – как и Джон Диллинджер.

Генеральный прокурор Томас К. Линч, тогда еще новое лицо на сцене правосудия, фантастическими темпами бросился выстраивать пирамиду полного расследования. Он разослал вопросники более чем ста шерифам, окружным прокурорам и шефам полиции, запрашивая информацию по Ангелам Ада и другим «сомнительным элементам». Он также обратился с просьбой представлять ему предложения, как можно справиться с ними, не нарушая буквы Закона.

Прошло шесть месяцев, прежде чем все ответы приобрели вид 15-страничного доклада, читавшегося как сценарная разработка худших снов Микки Спиллейна. Но сделать из этого материала какие-либо далеко идущие выводы было невозможно – фактура была слабовата. Штат собирался свести воедино всю информацию по этим головорезам, настоятельно потребовать более жесткого судебного преследования, категорично и бескомпромиссно контролировать их и надзирать за ними всеми доступными способами.

У внимательного читателя может создаться впечатление, что, даже если Ангелы и были такими монстрами, какими они казались на первый взгляд, возможности у копов были

довольно ограничены. И уж, конечно, мистер Линч прекрасно осознавал, что, ввязавшись в такое дело по политическим причинам, он пошел по довольно ненадежному следу.

Доклад был красочный, интересный, изобиловал деталями и, следовательно, постоянно щекотал нервы, т. е. являл собой стопроцентно образцовый документ для поднятия оглушительной шумихи в национальной прессе. Там было перечислено множество безумных акций, приведена масса примеров бессмысленного вандализма, оргий, уличных драк, извращений и показана странная вереница невинных жертв – всего этого даже на бумаге, даже при изложении скупым полицейским языком, было достаточно, чтобы подвергнуть тягчайшему испытанию доверчивость самого скучного полицейского репортера. Спрос на этот доклад среди газетных и журнальных кругов был так велик, что офис генерального прокурора был вынужден заказать второе издание. Даже Ангелы Ада получили один экземпляр; кто-то из Ангелов украл мой собственный. Большую часть доклада занимал раздел, озаглавленный «Хулиганская деятельность», – краткий отчет о деятельности outlaws на протяжении последних десяти лет. А именно:

«2 апреля 1964 года группа из восьми Ангелов Ада ворвалась в дом одной женщины в Окленде, выставила ее сожителя на улицу, угрожая ему пистолетом, и изнасиловала ее в присутствии троих ее детей. Позже, тем же утром, подружки Ангелов пригрозили жертве, что распоросуют бритвой ей лицо, если она обратится в полицию...

Рано утром 2 июня 1964 года поступило сообщение о том, что три Ангела Ада схватили 19-летнюю девушку в небольшом баре в северной части Сакраменто, и пока двое из них держали ее распростертой на полу бара, третий сорвал с нее верхнюю одежду. У жертвы в то время была менструация; ее гигиеническая прокладка была сорвана, и третий индивид совершил с женщиной половой акт...

На рассвете 25 октября 1964 года девять Ангелов Ада и две их подружки были арестованы полицией Гардены и офицерами шерифа, после того как поступил звонок из одного бара города и было получено сообщение об учиненных там беспорядках. Полиция докладывала, что компания «стала крушить все вокруг», после того как некто пролил на одного из Ангелов кружку пива. Бар был превращен в руины, пол покрыт кровью, как на бойне, а столы для игры в пул залиты пивом и мочой...»

В докладе Линча были точно отмечены даты еще восемнадцати таких правонарушений, и высказывалось предположение, что подобных актов было совершено несколько сотен. Газеты всего штата заполнились состряпанными из этого добра передовицами, наряду с заверениями генерального прокурора, что проблема будет искоренена с помощью полиции. Большинство редакторов калифорнийских изданий отводили этой истории видную роль примерно день или два, а затем спокойно переключились на другие темы. Ангелы Ада и до этого фигурировали на страницах газет, и в докладе Линча – основанном на выжимках из старых полицейских досье – было не так уж много нового или ошеломляющего.

Ангелы, похоже, в очередной раз отошли на второй план, но застоявшуюся было воду опять взбаламутил корреспондент *New York Times* в Лос-Анджелесе, выдавший пространственный и трагический комментарий к докладу Линча. Его сочинение появилось в *Times* 16 марта под заголовком, растянувшимся над двумя полосами. Оно послужило той самой искрой, которой требовала история; драка разгорелась с новой силой. *Time* продолжил начатое 16-го, и продолжение сопровождалось левым хуком, под названием «Бешеное самых бешеных». *Newsweek* нанес хук правой, опубликовав статью «Дикари». И к тому времени как улеглась поднятая всей этой возней пыль, национальные службы новостей получили гарантирован-

ный кусок жареного. Здесь были: секс, насилие, преступление, сумасшествие и разврат – все в одном флаконе. Приведу описание пробега в Портервилль в День труда, случившегося за полтора года до этого, из *Newsweek* за 1965 год:

«Рычащая стая из 200 мотоциклистов в черных куртках съехалась в маленький, сонный, южный калифорнийский городок Портервилль. Они буйствовали в местных барах, выкрикивая непристойности. Они останавливали автомобили, открывали дверцы машин, пытались лаптать ехавших в них женщин. Несколько их подружек, обутых в сапоги, разлеглись прямо на середине улицы и призывно выгибались, изображая удовольствие от полового акта. В одном баре полдюжины мотоциклистов жестоко избили 65-летнего мужчину и пытались похитить официантку. И лишь после того как к делу приступили около 70 полицейских из соседних городов, дорожный патруль, полицейские собаки и были пущены в ход водяные брандспойты, мотоциклисты вскочили в седла своих «харлей-дэвидсонов» и с грохотом рванули из города».

Оба издания, *Newsweek* и *Time*, сравнивали «вторжение» 1963 года в Портервилль с фильмом «*Дикарь*», сюжет которого основан на подобном инциденте, имевшем место в 1947 году в Холлис-тере, штат Калифорния. В главной роли снялся Марлон Брандо... а *Time* назвал фильм «ошметками жалкого, нездорового среза жизни банды разгульных, порочных и самодовольных мотоциклетных хулиганов, называвшихся «Черными Бунтарями». Однако, по утверждению *Time*, о «*Дикаре*» довольно быстро забыли, потому что «типажи получились чересчур гротескными, а то насилие, которое эти персонажи чинили, было столь монотонно и однообразно, что не могло восприниматься аудиторией как настоящее».

Кто, после всего этого, мог поверить, что банда гуннов на двух колесах может захватить и терроризировать целый калифорнийский город? Кто угодно, только не *Time*. И, по крайней мере, не в 1947 году, когда подобное случилось впервые; и не в 1953 году, когда вышел на экраны этот фильм; и даже не десять лет спустя, когда аналогичное событие, судя по всему, случилось снова, но в другом городе. Однако 26 марта 1965 года, восемнадцать лет спустя после первого так называемого мотоциклетного мятежа в Америке, *Time* окончательно и бесповоротно ввязался в борьбу, и редакторы журнала забили тревогу. А гунны-то, оказывается, были настоящими! Восемнадцать лет они скрывались в какой-то дыре, полировали свои мотоциклы и смазывали приводные ремни, пока генеральный прокурор штата Калифорния не решил показать их во всей красе госпоже Прессе.

Представитель *Time* на Западном побережье, не теряя времени даром, переправил ужающие новости прямо в крепость Люце, где они немедленно превратились в две колонки, перегруженные всякими дешевыми эффектами и эмоциями, – в очередную чушь для раздела о внутренней жизни страны: «На прошлой неделе Он («*Дикарь*») вернулся – и на этот раз по-настоящему!».

«Линч собрал гору свидетельских показаний против Ангелов Ада, – заявил *Time*, – ... накал страстей в которых показывает, что это сообщество благодаря своим действиям зашло слишком далеко, даже по сравнению с собственным зловещим названием...»

Именно дело об изнасиловании послужило толчком для расследования Линча. Последней каплей, переполнившей чашу терпения, было то, что две девушки-подростка были грубо отбиты у их молодых людей и жестоко изнасилованы несколькими членами банды». Это было возмутительной клеветой, потому что и месяца не прошло после ареста Терри, Марвина, Матери Майлза и Безумного Креста, как все обвинения против них были сняты. В своем остервенелом желании побыстрее добраться в истории до «клубнички» толкователи из *Time*, очевидно, второпях пропустили первую страницу доклада Линча, где ясно говори-

лось, что «в ходе расследования были поставлены следующие вопросы: было ли вообще совершено групповое изнасилование и действительно ли имело силу опознание личности потерпевшими. В письме, датированном 25 сентября 1964 года, окружной прокурор из округа Монтерей потребовал снятия обвинений в муниципальном суде Монтерей-Кармел, и это предложение совпало с мнением большого жюри присяжных». В докладе не были приведены комментарии заместителя окружного прокурора: «Врач, обследовавший девушек, не нашел никаких следов, чтобы поддержать обвинение в групповом изнасиловании, – сообщил он. – И кроме того, одна из девушек отказалась давать показания, а другая была проверена на детекторе лжи, и оказалась свидетелем, совершенно не заслуживающим доверия». Все это было довольно скучно и неинтересно, и *Time* никак не удавалось найти место для этих материалов. Тем не менее, дальше в статье шел пронзительный скулеж по поводу данных липовой статистики:

«Число членов клуба, основанного в 1950 году в Фонтане, в сталелитейном городе в 50 милях к востоку от Лос-Анджелеса, сейчас достигает около 450 человек. Диапазон тем вахтенного журнала их приключений широк: он простирается от сексуальных извращений и наркомании до простых избиений и воровства. Между собой они похваляются 874 арестами за уголовные преступления, 300 приговорами за их совершение, 1682 задержаниями за мелкие проступки и 1023 признаниями виновными – и только 85 из них когда-либо отбывали срок в тюрьмах или исправительных заведениях.

Нет ни одного действия, которое бы считалось для банды слишком унижительным. Например, ритуал их посвящения требует, чтобы любой новый член приводил женщину или девушку (так называемую «овцу»), которая согласна совершить половой акт с каждым членом клуба. Но их любимым занятием, похоже, является наведение страха и ужаса на целые города...»

Тогда *Time* поведал все ту же историю о вторжении в Портервилль, что одновременно появилась и в *Newsweek*. Статья продолжалась следующим пассажем:

«Если они не слишком заняты, Ангелы – иногда в сопровождении детей какого-либо члена или незамужних девиц легкого поведения, которые шатаются с клубом, – часто снимают полуразвалившиеся дома на окраине города, где одинаково легко и отвязно обмениваются партнершами, наркотиками и мотоциклами. В период между ступорами, вызванными приемами наркотиков, Ангелы совершают налеты и крадут мотоциклы, имея для этого даже грузовик с прицепом и специальным скатом, чтобы грузить на него краденые машины. После всего этого они могут помчаться на своих мотоциклах куда-нибудь в поисках очередного развлечения, подчиняясь своим мерзким инстинктам».

В Великом обществе явно не было места для подобных вещей, и *Time* был категоричен в своих утверждениях: дескать, пришло время положить этому конец. Суровые и непреклонные фавориты-прихлебатели истеблишмента просто обязаны преподать урок этим мерзавцам. Статья заканчивалась ликующей нотой:

«Все местные ветви административной власти теперь обеспечены досье на каждого Ангела Ада и на подобные им банды. Также создана хорошо скоординированная разведывательная служба, которая будет пытаться выслеживать и ловить хулиганов, где бы они ни появились.

«Им больше не позволят угрожать жизни, миру и безопасности честных граждан нашего штата», – сказал он (Линч). И на это заявление тысячи калифорнийцев, трепеща от радости, отвечают: «Да будет так!»

Несомненно, какая-то дрожь или судорога действительно прошла в те дни по Калифорнии, но не всегда это было связано с чувством благодарности. Ангелы Ада, подобно старым извращенцам, содрогались от хохота, наслаждаясь теми невероятными помоями, которыми облили их писаки. Других беспредельщиков просто плющило от зависти – такой славы, которая неожиданно свалилась на Ангелов, им даже во сне не снилось. Нервный тик бил копов по всей Калифорнии при одной только мысли о той «радужной» перспективе, которая ждала их впереди, – со вкусом освещенная в прессе их очередная схватка с какой-нибудь шайкой мотоциклистов. А некоторых передергивало от сознания, что аудитория *Time* составляла 3 042 902 читателя².

Главным моментом был не подход *Time* в стиле премудрого пескаря к теме Ангелов, а то воздействие на умы, которое оказала публикация. К началу марта 1965-го Ангелы Ада фактически не существовали. В главном округе, где базировался клуб, по спискам значилось примерно восемьдесят пять человек, и все они находились в Калифорнии. Постоянное внимание со стороны полицейских не давало возможности «отверженным» спокойно носить свои «цвета» во всех городах, кроме Окленда. Членство в отделении Сан-Франциско значительно сократилось – некогда высокий показатель в семьдесят пять человек снизился до одиннадцати, всего при одном громком исключении из клуба. В стоявшем у истоков создания клуба филиале в Берду (включая Фонтану) оставалась горстка самых негибких персонажей, которые твердо решили пойти на дно вместе с кораблем. В Сакраменто два человека – шериф Джон Мизерли и патрульный по имени Леонард Шатоян – устроили настоящую вендетту, которая настолько усложнила жизнь беспредельщикам, что Ангелы уже начали планировать Великое переселение в Окленд, но и там по-настоящему запахло паленым. «Блядь, да мы никогда не знали, в какой момент они ворвутся в «Эль Эдоб» и построят нас в линию у стойки бара под дулом пистолетов, – вспоминает Сонни Баргер. – Мы даже начали выпивать в клубе «Синнерз», потому что там был черный ход и окно, через которое мы могли бы выбраться. Я имею в виду, что легавые окончательно оборзели. На нас уже места живого не оставалось».

«Хороший репортер, если он найдет правильный подход, сможет договориться с кем угодно на их языке – хоть с кошками, хоть с арабами. Вся проблема – в правильном выборе, и если он подбирает неправильное слово, то может уйти с расцарапанной физиономией или совершенно сбитым с толку» (А. Дж. Либлинг).

В момент появления доклада Линча штат Калифорния, надо признаться, уже пятнадцать лет имел дело с криминальным заговором самого порочного толка. Но пока на пяти отдельно взятых страницах, посвященных хулиганской деятельности Ангелов Ада, – в большинстве чинимых безобразий было задействовано от десятка до сотни «отверженных», – в этом документе упоминается только шестнадцать серьезных арестов и два вынесенных приговора. И как это надо было понимать? В другой части доклада указывалось, что из 463 Ангелов Ада, личности которых были установлены, 151 был приговорен к различным срокам за совершение уголовных преступлений. Подобная статистика дает налогоплательщикам веру в силу служб правопорядка, и она была бы в два раза эффективнее, если бы эти 463 Ангела Ада действительно существовали в природе во время обнаружения этой арифметики. К несчастью, их количество едва дотягивало до 100 человек. С 1960 года число актив-

² Такое количество экземпляров было распространено, согласно статистике *Time*, в декабре 1964 года.

ных членов ни разу не превысило 200, и треть из них была Ангелами Ада лишь формально, только по названию. Уцелевшая старая гвардия опустилась до того, что все переженились и страдали от сопряженных с браком прелестей среднего возраста. Но они все еще надевали «цвета» один или два раза в год, ради какого-нибудь большого события, вроде Пробега в День труда.

Доклад Линча упоминает несколько из этих ежегодных событий, но их описания чересчур субъективны. В силу очевидных причин, полицейским редко удается быть свидетелями динамики самого преступления – развития криминального действия от начала до конца. Им приходится полагаться на других, которые рассказывают копам, что же все-таки произошло.

Версия налета на Портервилль, опубликованная в *Newsweek*, почти слово в слово повторяла доклад Линча. Другая версия этого события появилась 5 сентября 1963 года в *Porterville Farm Tribune*. Это был отчет очевидца – репортера *Tribune* Билла Роджерса, написанный несколько часов спустя после случившегося. Заголовок гласил:

ПРИШЛИ, УВИДЕЛИ, НЕ ПОБЕДИЛИ

«В субботу утром полиция Портервилля узнала о возможном прорыве в выходные дни в город мотоциклетного клана Калифорнии.

К концу дня райдеры начали собираться на углу Главной улицы и улицы Олив, выбрав в качестве своего питейного центра клуб «Орел». Несколько райдеров оказались в Марри-Парке. Все, кого мы видели, вели себя вполне прилично.

Ближе к вечеру начали прибывать целые полчища, и они сосредотачивались на Главной улице и улице Олив. Наш телефон раскалится от звонков, так как люди хотели знать, что городские власти собираются предпринять, чтобы справиться с этой ситуацией. Нас убеждали вызвать Национальную гвардию, отдать приказ о массовых арестах, собрать из граждан города ополчение и вооружить их топорами и дробовиками.

Около 6.30 вечера мы проверили Главную улицу. Шоу началось. Около 200 человек из мотоциклетного клана, включая нескольких женщин и детей, стали дебоширить; некоторые толпились на улице, приставая к автомобилистам и пешеходам; сотня с лишним мотоциклов была припаркована на восточной стороне Главной улицы.

Мы возвратились в полицейский участок. Распоряжались там Ториджиан и Сирл, к ним присоединился Пораццо. Никаких вспышек насилия пока еще зарегистрировано не было, и не было серьезных причин, чтобы хоть кого-нибудь арестовать... Оставалось только ждать, как будет дальше развиваться ситуация. Было принято решение закрыть Марри-Парк.

Около восьми вечера по рации поступило сообщение, что группа мотоциклистов тронулась с места, направляясь на восток. Существовала вероятность, что они останутся вне города. Но несколько минут спустя нам сообщили о драке и несчастном случае в черте города в «Доул Колони» и что требовалось вызвать «скорую помощь». Также нам доложили, что клан возвращается в город. Исходя из этого, было принято решение силой вынудить группу мотоциклистов покинуть город...

В течение вечера коммутатор городской полиции разрывался от звонков, одни из них были вполне законны и обоснованны, однако большинство поступало от анонимных абонентов, утверждающих, что они – граждане города, оскорбляющих полицейских, требующих защиты.

На Главной улице машины стояли бампер к бамперу; 1500 местных жителей собрались на углу Главной улицы и улицы Олив поглазеть, чем дело кончится. Мотоциклисты, насчитывающие к тому времени 300 человек, не обращали на зевак никакого внимания, беспробудно пьянствовали, мешали движению транспорта, били бутылки на улице, матерились и богохульничали – короче, устраивали то, что, с их точки зрения, и является шоу.

Действиям полиции мешали грузовой транспорт и масса зрителей. Мы проехали по этому месту в оборудованной громкоговорителем полицейской машине, призывая жителей Портервилля разойтись. Результат – нулевой, никто не двинулся с места, но зато подошли другие любопытные поглазеть, что же происходит. Мотоциклетный клан приветствовал их издевательским свистом.

Часть Главной улицы, от Гарден до Олив, затем от Оука, была закрыта для проезда транспорта; Дорожный патруль находился на юге, городская полиция – на севере. Площадь была быстро очищена от машин; и мотоциклисты решили, что это – их заслуга: полиция-де освободила для них часть Главной улицы.

К 9.30 вечера офицеры из группы взаимопомощи собрались в городском полицейском участке. Ториджиан кратко ознакомил их с планом действий – двинуться к югу вниз по Главной улице на машинах; пройти последние полквартала пешком и разворачивать все мотоциклы к югу; ни одного не пропускать на север. Подразделения дорожного патруля должны были оставаться к югу от Олив и Главной. Не вступать в пререкания, но и не злоупотреблять властью; «отверженные» либо покидают город, либо напрямую отправляются в тюрьму.

Городская пожарная машина стояла наготове у Пенни Стор; полиция с приборами ночного видения и дробовиками выдвинулась вперед, сирен не было – только мигающие красные огни. Мотоциклетный клан сгрудился на середине улицы, некоторые из байкеров легли на землю. Ториджиан повел полицейских, говоря в мегафон: «У вас есть пять минут, чтобы покинуть город. Поторапливайтесь!». Демонстративное неповиновение плавно сошло на нет. Мотоциклисты стали трогаться с места. Кое-кто, правда, попробовал все-таки сопротивляться, и с полдюжины мотоциклистов пришлось арестовать. Городские пожарники двинулись по улице и направили брандспойт на клан. Один райдер попытался было рвануться на север, но был сбит со своего мотоцикла мощной струей воды, пущенной из пожарного шланга.

Многие райдеры отправились в южном направлении и дальше. Некоторые остановились в Спортивном Центре. Полиции было приказано очистить Марри-Парк. Были проверены также все ночные забегаловки.

В полицейское управление для допроса были доставлены лидеры трех главных клубов, пока всех оставшихся райдеров держали в Спортивном Центре. От Ангелов Ада поступали угрозы, что если арестованные члены клуба не будут освобождены, то Ангелы придут сами и освободят своих.

Ториджиан заявил, что выпустить их можно лишь под залог. Офицеры с карабинами были приведены в полную боевую готовность, на тот случай, если задержанные попытаются совершить побег из тюрьмы.

Около 2.30 ночи несколько райдеров снова направились в Портервилль. Ториджиан остановил их на мосту Главной улицы. Он приказал им поворачивать и убираться из города, в противном случае они будут арестованы, их мотоциклы конфискованы и скованы вместе цепью по шесть за раз. Инцидент был исчерпан.

Наутро оказалось, что лишь несколько райдеров-одиночек еще оставалось в черте города. Но угроза насилия и вандализма была встречена во всеоружии и уничтожена на корню».

«Человек, который сможет называть все вещи своими именами, едва ли будет спокойно расхаживать по улицам – его ликвидируют как Общего Врага» (*Лорд Галифакс*).

Не столь ярким примером тех приемов, которыми пользуются полицейские репортеры для сверхдраматизации Ангелов, является отчет о пробеге в честь Четвертого июля 1964 года в Уиллитсе, в северокалийфорнийский городок с населением в тридцать пять сотен человек, где рубят и заготавливают лес. К официальной версии о произошедшем прилагался рассказ домохозяйки из Сан-Франциско, миссис Терри Уитрайт, чей муж – уроженец Уиллитса. Две версии не противоречат друг другу, но разница в точках зрения позволяет предположить, что реальность, в которой существуют Ангелы Ада, напрямую зависит от тех, кто их описывает.

В своем письме от 29 марта 1965 года миссис Уитрайт писала:

«Дорогой Хантер,

Впервые в жизни я увидела Ангелов Ада во время празднования 4 июля в Уиллитсе, штат Калифорния. Уиллитс – маленький городок, приблизительно сто миль к северу от С. – Ф. Каждый раз на 4 июля у них проходит празднование Дня границы, включающее карнавал, парад, танцы и так далее... Мы отправились на этот праздник, и на Главной улице городка Уиллитс Ангелы Ада заполнили полтора квартала, то выходя, то входя в каждый известный бар. Мы (Лори, Барби, Терри и я) шли вниз по улице, и один мужчина в черной кожаной куртке, сапогах и грязной черной майке схватил Лори за руку и перебросился с ней парой слов, спросил ее имя и все время оставался вежливым и очень милым. Это случилось днем, около 2.30. Позже тем вечером мы отправились в дом той пожилой женщины, у которой остановились на время праздника. У нее есть племянник по имени Ларри Джордон. Он – индеец из племени Уилаки, и ему около 27 или 28 лет. Он – брат Фила Джордона, профессионального баскетболиста, который играл за «Нью-Йорк Никербокерз» и за «Детройт Пистонз». Ну вот, как бы то ни было, возвращаясь к Ларри Джордону: около 7.30 того вечера какая-то девушка позвонила в дверь, рыдая и крича: «Эйлин, Эйлин, помоги мне». Я открыла дверь, и там стоял Ларри, кровь струилась у него по шее и из виска. Его тетя Эйлин упала в обморок, так что мне пришлось самой отвести его в ванную и привести в порядок. Его жестоко порезали бритвой или ножом Ангелы Ада. Сейчас уже трудно установить причину, по которой на него набросились шесть или семь Ангелов Ада, но Ларри относится к тому типу парней, которые выглядят так, будто думают, что они лучше всех. Хотя, может быть, на Ларри такое определение не распространяется полностью – он держится особняком, никогда не ищет неприятностей, но никогда от них и не бежит. Это довольно трудно объяснить, и я думаю, что просто надо его знать. Если у вас есть знакомые среди индейцев, может вы поймете, что я имею в виду.

Вернулся Терри (он ходил в магазин), мы поговорили между собой, и после недолгих уговоров он посадил Ларри в машину и отвез в госпиталь. Конечно, все в тот день пили, и все они хотели собраться вместе одной командой и выбить Ангелов Ада из города, но в итоге ничего не сделали.

Ангелы избили еще одного нашего знакомого по имени Фритц Баччи. Он вернулся домой за ружьем, и местная полиция бросила его в тюрьму за попытку самосуда.

В целом никакого особого ущерба городу причинено не было, но в воздухе чувствовалась тревога, и никто не знал, что произойдет в следующий раз, и никто не мог по-настоящему расслабиться и веселиться, как положено в дни празднования 4 июля».

Генеральный прокурор изложил то же самое по-своему:

«Четвертого Июля 1965 года, по приглашению того же бармена, который раньше работал в месте сборищ Ангелов Ада в «Родео» в Окленде, они предприняли «пробег» до Уиллитса. Изначально группа насчитывала 30 человек, они приехали в город за день до празднования, а к полудню четвертого июля в местном баре собралось уже около 120 мотоциклистов и их подружек. Кроме клана из Окленда, там были Ангелы из Вальехо и Ричмонда, а также клуб «Мофо» из Сан-Франциско. Между мотоциклистами и местными жителями периодически происходили драки, причем в качестве оружия использовались пивные бутылки, пояса, сделанные из мотоциклетных цепей, и металлические открывалки для пивных банок. Было замечено, что некоторые члены клуба выступали в качестве вооруженных охранников, они не пили, а все время внимательно наблюдали за группой. Когда вызывали полицию, эти люди убирали разбитые бутылки, пролитое пиво или чью-то кровь, оставшуюся на полу, то выгоняли членов клуба из бара, то опять их пускали туда, чтобы максимально затруднить полиции расследование. Когда один местный житель, рассердившись, окончательно вышел из себя и, взяв дома дробовик, вернулся с ним в бар, где собрались мотоциклисты, он был арестован. Помощь обеспечивал Дорожный патруль Калифорнии и офис шерифа округа Мендочино. Затем шеф полиции приказал группе мотоциклистов выдвинуться к городской черте. После передислоцирования Ангелы несколько раз дрались между собой, но местные жители в этих драках не участвовали».

Детали дела, изложенные в отчете Линча *Newsweek* о портервилльском инциденте, были довольно туманны, но образ Ангелов Ада, представленный в нем, был предельно (даже brutally!) четок – это бандиты, врывающиеся в город и несущие умирающим от страха жителям разорение. По сравнению с этим отчетом версия очевидца была маловыразительной и затянута, как и рассказ миссис Уитрайт об инциденте в Уиллитсе, который напрочь сбивал весь пыл и жар красочной полицейской версии. Особого спора основные факты не вызывали, но и между крупными заголовками, и подборкой мелких материалов, обычно заполняющих пустоты в газетах больших городов, разница все-таки чувствовалась: и в расстановке акцентов, и в самом содержании. «Захватывали» ли на самом деле Ангелы Ада город – в чем их довольно часто обвиняли – или же они просто перекрыли движение на главной улице и оглушили несколько местных кабаков пьяным шумом, оскорбляя тем самым лучшие чувства местных граждан?

А если посмотреть на происходящее еще шире – какую же все-таки угрозу представляют собой Ангелы Ада? И действительно ли они опасны для жизни и имущества проживающих в Калифорнии... или Айдахо, Аризоне, Мичигане, Нью-Йорке, Индиане, Нью-Гемпшире, Мэриленде, Флориде, Неваде, Канаде и всех других местах, чьи граждане время от времени испытывают перед ними дикий страх?

3

«Да, я действительно трепещу при мысли о моей стране, стоит лишь мне подумать, что Господь Бог справедлив и воздаст ей по заслугам» (Томас Джефферсон).

Согласно цифрам, приведенным лично генеральным прокурором Линчем, на фоне общей картины преступлений в Калифорнии Ангелы выглядят просто бандой мелких кидал. Полиция насчитала 463 Ангела Ада: 205 человек в районе Лос-Анджелеса, 233 – в районе Окленда и Сан-Франциско, а остальных судьба рассеяла по всему штату. Подобное искажение действительности не дает возможности всерьез относиться к какой-либо другой полицейской статистике. В сомнительном перечне указаны приговоры, вынесенные Ангелам Ада по 1023 мелким проступкам и 151 уголовному преступлению – в первую очередь по краже машин, ночным кражам со взломом и вооруженным нападениям. Эти данные приходится на все годы существования их клуба и касаются всех предполагаемых членов, а ведь многие из них давно ушли в отставку.

Общие цифры по Калифорнии на 1963 год показывали, что произошло 1116 убийств, 12 448 нападений при отягчающих обстоятельствах, 6257 преступлений на сексуальной почве и 24 532 кражи со взломом. В 1962 году в штате погиб в дорожно-транспортных происшествиях 4121 человек, в то время как в 1961 их число составляло 3839. Данные по арестам, связанным с наркотиками, в 1964 году показывают рост количества задержаний среди молодежи за употребление марихуаны по сравнению с 1963-м. А на последней странице одного из номеров *The San Francisco Examiner* за 1965 год говорится: «За последние четыре года число венерических заболеваний среди (городских) тинейджеров от 15 до 19 лет выросло более чем вдвое». Даже если предположить, что ежегодно происходит резкий скачок рождаемости, количество арестов среди подростков по всем видам правонарушений каждый год увеличивалось более чем на 10 процентов. В конце 1965 года губернатора-демократа Эдмунда «Пэта» Брауна республиканцы начали поносить в законодательном органе штата за «равнодушное отношение» к угрозе роста числа преступлений, которое, как они утверждали, подскочило на 70 процентов за семь лет его правления.

На этом фоне трудно понять, каким способом, с точки зрения среднего калифорнийца, можно добиться обеспечения еще большей безопасности, если каждые 24 часа в штате душили по одному мотоциклисту-беспредельщику (всего их, по данным полиции, насчитывалось 901 человек).

Если «Сага Ангелов Ада» и доказывала что-то, так этим «что-то» была внушающая страх сила истеблишмента нью-йоркской прессы. Ангелы Ада, в том виде как они существуют сегодня, были фактически созданы *Time*, *Newsweek* и *The New York Times*. Последнее издание – чемпион американской журналистики в тяжелом весе. В девяти статьях из десяти газета обязана оправдывать свое доброе имя. Пока еще редакторы не требуют абсолютной непогрешимости и время от времени будут выливать на головы читателей ушаты помоев. Бесполезно пытаться перечислить все ляпы, да и цель моих разглагольствований на эту тему состоит не в том, чтобы подколоть какую-либо газету или журнал, а в том, чтобы указать на потенциально мощный массовый эффект от любой истории, фабула которой одобрена и тиражируется не только *Time* и *Newsweek*, но и сверхпрестижной *The New York Times*. Последняя взяла доклад Линча, приняв его за чистую монету, и просто-напросто перепечатала его в очень сжатой форме. Заголовок гласил: КАЛИФОРНИЯ ПРЕДПРИНИМАЕТ ВСЕ МЕРЫ, ЧТОБЫ ОБУЗДАТЬ ТЕРРОРИЗМ РАСПОЯСАВШИХСЯ ХУЛИГАНСТВУЮЩИХ МОТОЦИКЛИСТОВ.

Основная часть статьи была написана в довольно сдержанном тоне, но главный эпизод являлся выдумкой чистой воды: «Бар на окраине маленького городка в глубине штата подвергся нападению банды мотоциклистов-хулиганов, которые схватили владелицу заведения и изнасиловали ее. Уезжая, негодяи размахивали оружием и угрожали случайным свидетелям страшной расправой, если те расскажут, что они видели. Властям было трудно найти свидетеля, который согласился бы дать показания, и возникали проблемы с арестами и возбуждением уголовных дел против преступников».

В действительности ничего подобного никогда не было. Этот инцидент был результатом выдумки журналиста, сделавшего монтаж. А изготовил его журналист в результате тщательного изучения доклада, просеивания его сквозь мелкое сито. Впрочем, материалы *Times* никогда не писались и не редактировались идиотами, и каждый, кто проработал в газете больше двух месяцев, знает, какие профессионально-технические приемы могут быть применены даже при создании самой дикой истории, без боязни потерять влияние на читательскую аудиторию. В основном то, чем они занимаются, можно считать настоящим искусством – искусством публикации какой-либо истории без возложения на себя какой бы то ни было юридической ответственности. Слово «предположительно» является ключевым для этого вида искусства. Другие слова-ключики: «такой-то сякой-то сказал» (или «заявил»), «сообщают», «согласно тому-то» и «в соответствии с». В четырнадцати коротких газетных абзацах истории, напечатанной в *Times*, содержится около девяти таких выражений-нейтрализаторов. Два основных относятся к теме Голливуда и «*предполагаемого группового изнасилования*» в последний День труда 14-летней и 15-летней девочек пятью или десятью членами банды Ангелов Ада на пляже в Монтерее» (курсив мой). Нигде в статье не сообщалось и даже намек не делалось на то, что обвинения с тех пор были давно сняты – *что следовало из изложенного на первой странице упомянутого доклада*. В итоге появился образец нерадивой, перегруженной эмоциями, необъективной журналистики, довольно плохая, топорная работа, которая, появившись она в большинстве американских газет, и легкого сквозняка не подняла бы... Но *Times* – прет как танк, даже тогда, когда издание печатает лажу, а эффектом от публикации этой статьи должна была стать «печать респектабельности» на истории, которая на самом деле была лишь случайностью, истерично раздутой по чисто политическим мотивам.

Если *Time* и *Newsweek* никогда не взяли бы терзать эту историю, гнездящиеся в Нью-Йорке массмедиа так или иначе ухватились бы за нее. Раковые клетки, пожирающие общество, были обнаружены ведущей газетой нации. И затем... всего лишь неделю спустя наступило время двусмысленной перестрелки тандема *Time* – *Newsweek*, которая действительно вознесла Ангелов на вершину. То, что последовало за этой перепалкой, можно смело назвать «оргией паблсити». 18 лет своей долгой спячки Ангелы Ада наверстали за каких-нибудь 6 месяцев, и, естественно, такая встряска ударила им в голову.

До монтерейского изнасилования они были всего-навсего лигой неотесанных хулиганов без роду и племени, известных лишь калифорнийским легавым и несколькими тысячам любителей мотоциклов. Они, если не вдаваться в долгие рассуждения, были самой большой и печально известной мотоциклетной бандой штата. Среди «отверженных» их главенство никем не оспаривалось, а всем остальным было на них наплевать.

Затем, в результате монтерейского инцидента, они угодили в передовицы каждой ежедневной газеты в Калифорнии, включая Лос-Анджелес, Сакраменто и Сан-Франциско, которые сканировались и вырезались каждый день «исследователями» из *Time* и *Newsweek*. В некоторых из этих историй говорилось, что потерпевшие мирно жарили на пляже сосиски со своими *двумя* молодыми людьми, которые сражались как тигры, чтобы спасти своих подружек. Явившаяся туда компания в составе где-то около четырех тысяч Ангелов Ада ни с того ни с сего окружила костер и сказала им примерно следующее: «Не волнуйтесь, малыши, мы

собираемся позабавиться с этими девушками вместо вас». (И затем, согласно написанному в одном отчете «один бородатый головорез буквально присосался к ней, путаясь в слюнях и волосах. Она закричала и попыталась сопротивляться. Бородач и еще один Ангел схватили ее, отчаянно визжавшую, и уволокли в темноту. Пронзительные вопли жертвы сопровождались громогласными подзаборными ругательствами».)

АНГЕЛЫ АДА НАСИЛЮЮТ ПОДРОСТКОВ. 4000 МОТОЦИКЛИСТОВ ВТОРГАЮТСЯ В МОНТЕРЕЙ

Между тем, всего лишь два из восемнадцати возмутительных случаев, указанных в докладе Линча, произошли после Дня труда 1964 года: две обыкновенные драки в баре. Так что вся эта история могла оказаться в распоряжении прессы уже на следующий день после монтерейского изнасилования, точно так же, как и шесть месяцев спустя, когда генеральный прокурор созвал пресс-конференцию и протянул эту историю, упакованную в чистую белую папку, по одной – каждому газетчику. До этого момента почему-то никто особенно этим инцидентом не интересовался. Может, у них просто времени не было, потому что в конце 1964-го госпожа Пресса бросала талант каждого мало-мальски прилично пишущего журналиста на амбразуру летописи предвыборной кампании. А ведь эта тема была что надо! Как говорится, зонтик для любой погоды. Манера поведения основных изданий диктовалась принципом соблюдения равновесия, и при этом кто-то должен был еще держать руку на пульсе страны.

Даже не сенатор Голдуотер первым уцепился за дело Ангелов Ада. «Уличное Преступление» было для этого ястреба всего лишь выигрышной картой: миллионы людей чувствовали угрозу, исходящую от банд шпаны, слоняющихся по улицам в городских трущобах в непосредственной близости от их домов. Демократы называли это расистскими инсинуациями... Но что бы они сказали, если бы Голдуотер предупредил избирателей об армии порочных, обкуренных кавказских хулиганов, количество которых увеличивается с ошеломляющей скоростью, базирующихся в Калифорнии, но с филиалами, пустившими корни по всей стране и даже по всей планете так быстро, что нормальному человеку и уследить за этим невозможно?... Да, что бы они сказали – если эта армия к тому же настолько сверхмобильна за счет своих монстроподобных машин, что огромные скопления этой саранчи могут появиться почти где угодно, в любой момент, грабя и разрушая сообщество?

«Отвратительные Гунны! Размножающиеся, как крысы, в Калифорнии и устремляющиеся на Восток. Прислушайтесь к реву их «харлеев». Вы услышите его – далеко-далеко, как раскат грома. И потом, вместе с порывом ветра в ноздри ударит запах засохшей крови, спермы, человеческого жира и пота... шум будет нарастать, и затем на западном горизонте появятся они, с налитыми кровью выпученными глазами, пеной на губах, жуя какую-то корневую субстанцию, провезенную контрабандой из латиноамериканских джунглей... Они будут похищать ваших женщин, грабить ваши винные лавки и надругаются над вашим мэром на скамейке на деревенской площади...»

Теперь же этот вопрос был поставлен на повестку дня. Все эти пляски «мамбоджамбо» вокруг «уличных преступлений» были слишком неконкретными. Голдуотеру нужна была именно современная идея – типа «преступлений на автостраде», моторизованного преступления, в результате которого спасенных не бывает. И впервые, когда демократы бросили ему вызов, он мог, наконец, наштамповать фото самых грязных Ангелов Ада и зачитывать абзацы из газетных отчетов о монтерейском изнасиловании и цитировать другие истории: «...они утащили ее, визжавшую, в темноту»; «... бармен, теряя сознание, пытался доползти до стойки, пока Ангелы выбивали ногами тату на его ребрах...».

К несчастью, ни один кандидат не поднял на щит монтерейскую историю, и не будучи востребованной другими пользователями, она быстро исчезла из поля зрения. С сентября 1964 года до марта следующего года Ангелы Ада проворачивали не освещенную в прессе серию мелких стычек с полицией и в Лос-Анджелесе, и в Бэй-Эреа. Поистине всенародная известность, полученная Ангелами в результате монтерейского изнасилования, принесла им настолько дурную славу в Калифорнии, что о дальнейшем веселье и речи быть не могло. Для каждого человека, носящего куртку Ангелов Ада, появление на улице могло быть в любую минуту сопряжено с явным риском. Перевес другой стороны был просто подавляющим и более жестоким, чем когда-либо, за исключением Окленда³, и наказание за то, что тебя все-таки поймали, обходилось слишком дорого. В самый разгар гонений бывший Ангел из Фриско сказал мне: «Если меня завтра вытурят с работы и я снова начну ездить с Ангелами, я потеряю мою водительскую лицензию в течение месяца, сяду в тюрьму, выйду из тюрьмы, влезу в долги к поручителю, а легавые будут травить меня до тех пор, пока не свалю из этого района».

Тогда я решил, что он – безнадежный параноик. Потом купил себе большой мотоцикл и начал ездить на нем вокруг Сан-Франциско и Ист-Бэй. Мой байк был прилизанным, заводского типа «V. S. A.», и не имел никакого «эстетического» сходства с каким-либо из «харлеев» outlaws, а мой первый дорожный прикид состоял из рыжевато-коричневой ковбойской куртки, напоследнейшей вещицы, которую мог бы надеть Ангел Ада. Не прошло и трех недель с момента покупки мотоцикла, как я уже три раза был арестован и заработал достаточно очков, чтобы распрощаться с моей калифорнийской водительской лицензией, которую я сохранял благодаря моей каждодневной заботе, благодаря фанатичной настойчивости в отправке крупных сумм в качестве залога и казавшемуся бесконечным общению с судьями, судебными исполнителями, копами и адвокатами, которые продолжали говорить мне, что дело дрянь. До того, как я стал владельцем мотоцикла, я в течение двадцати лет водил машины во всех штатах нашей страны, кроме четырех, и имел всего лишь два нарушения: оба раза был наказан за превышение скорости – впервые в Пайквилле, Кентукки, и другой раз где-то неподалеку от Омахи. Так что когда я неожиданно столкнулся с перспективой потерять мою водительскую лицензию за нарушения, совершенные в течение трех недель, состояние мое было близко к шоковому.

Беспредел со стороны властей был настолько очевиден, что даже респектабельные мотоциклисты жаловались на излишнюю раздражительность со стороны полицейских. Легавые официально это отрицали, но незадолго до Рождества в том году, о котором идет речь, один полицейский из Сан-Франциско сказал репортеру: «Мы доберемся до этих ребят. Это – война».

«Кого ты имеешь в виду?» – спросил репортер.

«Ты прекрасно знаешь, кого я имею в виду, – взорвался полицейский. – Ангелов Ада, этих хулиганов на мотоциклах».

«Ты имеешь в виду любого, кто ездит на мотоцикле?» – переспросил репортер.

---

³ Между тем прессингом, который Ангелы испытывали на себе в Окленде, и тем давлением, которое на них оказывали в других местах, была существенная разница. В Окленде давление не носило политического характера, не было результатом действия каких-либо высокопоставленных лиц или принятия какого-либо решения полицией – скорее это было нечто более личное, вроде армрестлинга. Бартер и его люди довольно хорошо ладили с копами. В большинстве случаев, при кое-каких практически несущественных различиях, их эмоции совпадали. Копы, как и Ангелы, отрицают это. Само по себе предположение о такой совместимости отмечается обеими группами и расценивается как некая разновидность коммунистической клеветы. Но вероятность существования такой ситуации совершенно очевидна для каждого, кто когда-либо видел ставшую обычной конфронтацию, или «линейку», во время дружеской полицейской проверки в одном из баров, где собирались Ангелы. Порознь они гневно проклинают друг друга, и хрупкое перемирие часто внезапно нарушается погоней на диких скоростях и короткими, жестокими стычками, которые редко фиксируются в отчетах. Пока еще за спиной не замолк рев моторов и не остыл гнев, они играют в одну и ту же игру, и обычно по одним и тем же правилам.

«Невиновным придется пострадать наряду с виновными», – ответил ему коп.

«Когда я закончил статью, – вспоминает репортер, – то показал ее легавому, с которым столкнулся на улице напротив Дворца правосудия. Он засмеялся и подозвал другого копа. «Взгляни-ка, – проговорил первый, – он опять наступил на те же грабли...».

Единственным важным шагом вперед со стороны прессы во время этой бестолковой и безмазовой зимы 1964/65 года была серия издевательских статей в *The San Francisco Chronicle*, написанных по следам нескольких вечеринок Ангелов в новом клубном заведении филиала во Фриско, которое почти немедленно после публикации этих заметок было обыскано и закрыто.

Между тем, число Ангелов Окленда постоянно увеличивалось из-за притока беженцев. Из Берду, Хэйурда, Сакраменто Ангелы передвигались в те немногочисленные места, где они пока еще чувствовали себя в безопасности. К декабрю отделение Баргера настолько разрослось и изголодалось по стычкам с врагами, что они начали переезжать мост и атаковать Ангелов из Фриско. Баргер чувствовал, что Фриско, где число членов клуба сократилось до одиннадцати человек, настолько обесчестило традиции Ангелов Ада, что они должны были конфисковать их «цвета». В соответствии с этим заявлением он объявил отделение во Фриско с этого момента ликвидированным и послал своих людей собрать куртки. Ангелы из Фриско отказались подчиниться, но они здорово нервничали из-за рейдов-набегов бешеных псов из Окленда. «Представляешь, старик, сидим мы в баре, – рассказывал мне один. – Просто расслабляемся у стола в пул с несколькими стаканами пива – и тут, твою мать, дверь неожиданно вышибается ударом ноги, и, пиздец, они вваливают внутрь, цепи и все такое».

«Хотя мы, в конце концов, им вернули все по полной программе. Мы отправились к месту их постоянного зависалова и подожгли один из мотоциклов. Тебе надо было это видеть – мы сожгли его прямо на середине улицы, старик, затем завалились в их берлогу и отпиздили на хер. Ну и гасилово было, доложу я тебе! Да, старый, кое из кого мы сделали настоящий бифштекс».

Это случилось в декабре. За декабрем последовали еще два тихих месяца... А затем увидел свет доклад генерального прокурора, дурная молва прокатилась от одного побережья к другому, и появилась уйма новых возможностей. Вся ситуация в целом изменилась за миг одной яркой вспышки. Еще вчера они были бандой бродяг, с трудом наскребающих по карманам несколько долларов, и вот двадцать четыре часа спустя они уже общаются с репортерами, фотографами, свободно зависающими авторами и всевозможными пройдохами из шоу-биза, болтающими о больших деньгах. К середине 1965-го они твердо закрепили за собой репутацию Всеамериканского Пугала.

Помимо красования в сотнях газет и полудюжине журналов, моментально публикующих различные новости, они позировали для телевизионных камер и отвечали на вопросы в прямом радиозэфире. Они делали заявления для прессы, появлялись на различных гонках и торговались с голливудскими стукачами из отдела по борьбе с наркотиками и редакторами престижных журналов. Их разыскивали мистики и поэты, им устраивали овацию студенты-бунтари и приглашали на вечеринки, которые организовывали либералы и интеллектуалы. Вся эта возня в целом выглядела очень странно и произвела неизгладимое впечатление на тех немногих из Ангелов, кто все еще носил «цвета». Они развили в себе комплекс *примадонны*, требуя оплачивать наличными публикации своих фото и интервью (чтобы окончательно запутать департамент налогов и сборов). *The New York Times* с трудом воспринимала все эти нововведения, а в официальном сообщении из Лос-Анджелеса от 2 июня 1965 года говорилось следующее: «Человек, представившийся как «агент (Ангелов) Ада по связям с общественностью», вышел к представителям ежедневных изданий с предложением продать фоторепортажи «столкновений», случившихся в этот уик-энд, по цене от 500 до 1000 долларов. Он также предложил организовать интервью с членами клуба по 100 дол-

ларов на человека, а если будут сделаны еще и фотографии, то эта цифра несколько увеличится. Этот представитель Ангелов сказал репортерам, что небезопасно отправляться в бар в Сан-Бернардино, где обычно собирается группа, не внося определенной платы за обеспечение собственной безопасности. «Один журнал, – заявил он, – заплатил 1000 долларов за то, чтобы получить разрешение для своего фотографа сопровождать группу в этот уик-энд...»

Частично это сообщение было выдумкой, частично – правдой. Дело осложнялось тем фактом, что у лос-анджелесского корреспондента *Times* к тому времени развилась серьезная антипатия ко всему, что было связано с Ангелами Ада. Его доводы были потрясающими: они угрожали избить его, если он попытается написать рассказ об Ангелах, не заплатив сначала клубным казначеям. Не существует такого журналиста, которому нравилось бы сдерживать себя ожиданием выплаты каких-то наличных в порядке редакционной очереди, и нормальная реакция, или по крайней мере воображаемая реакция, – быстро принять решение и вцепиться в историю бульдожьей хваткой, не сожалея о деньгах.

Реакция же *Times* была более странной и таинственной. Они попытались принизить роль Ангелов, надеясь, что те, в конце концов, поймут свою никчемность и уберутся восwoяси. Но все случилось с точностью до наоборот. История уже разрасталась как снежный ком, который мчится с горы, и монстры, которых сама *Times* помогла создать, вернулись на этот раз с пресс-агентом, ходившим за ними буквально по пятам. Здесь объявилась даже горсть «бесхозных» хулиганов из Сан-Бернардино, требовавших 1000 баксов от каждого журналиста, который захочет провести с ними один-единственный уик-энд. Большинство Ангелов относилось ко всему происходящему с юмором, но даже на этом уровне игры среди них оказалось несколько человек, которые чувствовали, что они назначают справедливую цену за освещение своих действий, и их уверенность в собственной правоте была подтверждена материально, когда «один журнал» предложил им 1000 баксов (согласно *Times*) или 1200 (по словам самих Ангелов). Вопрос о таких выплатах был весьма щекотливым, потому что если редакторы и шли на такие расходы, автор и (или) фотограф, которые требовали передачи им таких денег, должны были делать все возможное, чтобы не светиться, так же, как и тот, кто покупает их истории. Сначала Ангелы совершенно свободно болтали о деньгах, но позже начали все отрицать – сразу же после того как Сонни Баргер пустил слух, что такие разговоры могут втянуть их в неприятности с налоговыми службами. Тем не менее, факт остается фактом: нанятый *Life* фотограф провел достаточно много времени с Ангелами, работая над фоторепортажем, который, однако, так никогда и не был опубликован.

В случайно просочившейся информации о том, что за обеспечение безопасности требовали деньги, интересно то, что Ангелы позаимствовали эту идею у человека, который на всяких мимолетных увлечениях и причудах умудрялся выжимать более 100 000 долларов в год. Это именно тот хрен по связям с общественностью, на которого ссылается *Times*. Его знакомство с Ангелами началось в Берду на каких-то гонках, но он никогда не был их человеком (в полном смысле этого слова) по связям с общественностью – дело сводилось к шумному контакту, обмену телефонными номерами. Этот разводила был подлинным самозванцем, пытавшимся подоить прессу, как корову-рекордсменку. (К лету 1965-го он выбросил на рынок майки фан-клуба «Ангелов Ада», которые довольно хорошо продавались, до тех пор пока Ангелы не объявили, что сожгут каждую майку, какую только увидят, даже если им придется срывать ее с людей.)

Потеряв чувство меры, самозванец-разводила здорово подпортил положение Ангелов Берду, требуя большие деньги от каждого, кто хотел их видеть. Из-за того что никто (за исключением «одного журнала») не желал ему платить, а также потому, что никто в глаза не называл его обманщиком, он смог протянуть в роли хорошо осведомленного фронтмена с неплохими связями почти полгода в деле, которое в принципе с самого момента его появления катилось под откос и вылетало в трубу. Ангелы Берду повторили классическую ошибку

Утенка Никсона – ошибку мгновенного взлета на «пик славы». Известность в результате монтерейского изнасилования и две последующие местные драки повлекли за собой такой жестокий полицейский произвол, что даже тех немногих, кто упорно продолжал носить «цвета», заставили действовать скорее как беженцев, а не как outlaws-беспредельщиков. А репутация филиала была, соответственно, здорово подпорчена. К середине августа 1965 года – пока отголоски похаживаний в Окленде гремели на всю округу – *The Los Angeles Times* так живописала ситуацию в Берду: «АНГЕЛЫ АДА УВЯДАЮТ В ДОЛИНЕ, ЖЕСТОКИЕ ДЕЙСТВИЯ ПОЛИЦИИ УКРОЩАЮТ КЛУБЫ OUTLAWS».

В главном абзаце значилось: «Если в Долине (Сан-Фернандо) и остались какие-то мотоциклисты-outlaws, то они ушли в глубокое подполье, – заявляет полиция. – Они не высываются и не причиняют особых неприятностей, беспорядков практически нет».

«Если пара этих типов сунет сюда свой нос и появится на улицах, – сказал полицейский сержант, – первая же заметившая их патрульная машина остановит парней для допроса. Если мы не сможем найти еще какого-либо повода для задержания, мы всегда в курсе, что на законном основании их можно обвинить в превышении скорости. Этого достаточно, чтобы убраться Ангелов с улицы, и это действительно выводит их из себя»⁴.

«Мы устроили контрольно-пропускной пункт у Гормэна на Ридж Рут, чтобы останавливать Ангелов и препятствовать их движению, когда группы из Северной Калифорнии – где они весьма активны – пытаются проехать в Лос-Анджелес. Мы устраиваем другие контрольно-пропускные пункты вдоль Пасифик Коуст хайвей, в частности рядом с Малибу».

«Они превратились в очень маневренную ватагу. У нас есть список из двадцати пяти сотен (*sic!*) имен членов различных клубов, но мы не утруждаем себя поисками их адресов. Они постоянно передвигаются с места на место. Они меняют свои адреса, свои имена, они даже меняют цвет своих волос».

В Фонтане, центре тусовки отделения Берду, Ангелы особенно не бузят в общественных местах и не слишком часто устраивают бучу. «Если они собираются вместе вчетвером или впятером, я ничего не имею против, – говорит полицейский инспектор Ларри Уоллес. – А вот если явится вся орава, десять, двенадцать или того больше, то мы прикроем это сборище».

В своем личном кабинете Уоллес хранит один сувенир, напоминающий ему о том, что для него лично значат Ангелы. Это репродукция картины Модильяни – женщина в рамочке размером два на четыре, которую он конфисковал в одном из притонов Ангелов. У леди заспанный вид, длинная шея и жеманный маленький рот. На голове у нее намалеван железный крест, а волосы сплетены в косичку, и эта косичка уложена в виде слова «Помогите!». На шее у нее висит звезда Давида с вклеенной по центру свастикой, в горле – дырка от пули, и изображена еще одна пуля, пробивающая ей затылок. Там и сям размашисто нацарапаны ангельские лозунги момента:

Дурь навсегда,
Навеки загружен.

Доблестный офицер, если бы я знал,
Чему подвергается мое здоровье,

---

⁴ Эта тактика быстро стала очень популярной у полиции в других частях штата и применялась в ситуациях, не имеющих никакого отношения к Ангелам Ада. Она включает в себя особо эффективные средства обеспечения контроля над толпой и к середине 1966 года широко использовалась для расправы с участниками маршей протеста в Беркли. Полиция начала наудачу хватать людей и проверять их водительские права по радио. Спустя несколько секунд приходило сообщение из полицейской штаб-квартиры, и, если у человека оставался хотя бы один неоплаченный дорожный или парковочный штраф, его могли «убрать с улицы» – полицейский эвфемизм, означающий «отправить в тюрьму».

Я бы не пыхнул никогда.

В Берду Ангелы выжили, но им уже не удалось достичь своего величия конца пятидесятых – начала шестидесятых. Когда слава, наконец-то, распахнула им свои объятия, им нечего было ей предложить, кроме своей ужасной репутации и пройдохи пресс-агента. Отто, президент филиала, не смог удерживать ситуацию под контролем – люди расплзались как тараканы. Сэл Минео говорил о возможности получить 3000 долларов за участие «отверженных» в съемках фильма, но Ангелы физически не могли собрать кворум: одни были в тюрьме, другие просто все бросили, а многие из лучших персонажей отправились на север, в Окленд, – или в «Страну Обетованную», как некоторые ее называли, – где Сонни Баргер закрутил гайки. Там вообще не было никакого базара по поводу того, что Ангелы рассыпались в пыль, как комья земли, которую кидают на крышку гроба. Однако Отто тоже жаждал какой-нибудь деятельности, и у него по-прежнему оставалась кучка верных ему людей, прикрывавших ему тылы. Несмотря на все трудности, своей компанией они сумели осуществить последний довольно удачный ход – шоу при полном прикиде для журналиста из *The Saturday Evening Post*.

Статья в *Post* появилась в ноябре 1965-го, и, хотя выраженная в ней точка зрения была весьма критической, Ангелов гораздо больше впечатлило количество написанного о них, нежели качество материала. В целом статья произвела на них сильное впечатление. Вопреки всему их цветные изображения украсили обложку *The Saturday Evening Post* – рядом с принцессой Маргарет. Они стали настоящими знаменитостями, и не покоренных ими миров больше на карте не оставалось. Раздражала их одна-единственная мелочь – такая популярность не приносила им денег. («Все эти монстры используют нас и обстрипывают с нашей помощью свои делишки, – заявил Баргер репортеру *Post*, – нам не обламывается от них ни единого чертового цента».) Что правда, то правда – Ангелы Окленда ни шиша не получили в результате лос-анджелесской сделки, но все-таки умудрились содрать почти 500 долларов за фото, проданные *Post*, так что едва ли их можно назвать абсолютно эксплуатируемым меньшинством...

Мы – храбрая компания героев,
И собрались здесь десять лет назад,
И в городе нас знают
Как Гренадеров Бауэри...
Мы доброго старого племени

С бульжником в руке,
И длинной винтовкой в придачу.
Мы можем надрать задницу Бруклинской Страже,
Если только они сунут свое рыло не в свой огород,
Мы можем промчатся, как мчится сам Дьявол,
Когда земля плоская
На целых четыреста ярдов.
И девочки, маленькие крошки,
Все влюбляются в нас по уши,
Когда они видят наш стиль,
И вдыхают бриолин
Гренадеров Бауэри.

(Из «Гренадеров Бауэри» Джона Эллисона)

Мои контакты с Ангелами продолжались около года, и я по-настоящему их никогда не прерывал. С некоторыми из них вскоре я стал, как говорится, на короткой ноге, а с большинством был знаком ровно настолько, чтобы вместе расслабляться. Первое время – под влиянием многочисленных предупреждений – я нервничал даже тогда, когда выпивал с ними. В один прекрасный день я встретил полдюжины Ангелов из Фриско в баре захолустного ресторанчика «Отель де По», находящегося в южной промышленной части портового Сан-Франциско, на границе Пойнт Гетто Хантера. Моим связником был Френчи⁵, самый маленький, злобный и практичный из «отверженных», совладелец гаража «Бокс Шоп» по ремонту коробок передач, расположенного через Эванс Авеню от обветшалого здания «де По».

Френчи двадцать девять лет, он профессиональный механик, бывший подводник, служивший в ВМФ. Он – пяти футов пяти дюймов ростом, весом – 135 фунтов, но Ангелы говорят, что Френчи совершенно неизвестно чувство страха и он может драться с кем угодно. Его жена – тонкая и гибкая как тростинка, спокойная молодая блондинка, которой больше по вкусу фолк-музыка, а не драки и дикие вечеринки. Френчи играет на гитаре, банджо и любит устраивать бешеную пляску крепких горячительных напитков в горле.

В «Бокс Шопа» всегда полно машин, но далеко не все они принадлежат платежеспособным клиентам. Френчи и постоянно меняющийся персонал из трех или четырех Ангелов держат это место, большую часть времени вкалывая по-настоящему, от четырех до двенадцати часов в день, но бывает, что они срываются в путешествие на байках, на какую-нибудь нескончаемую вечеринку или в плавание на парусной шлюпке у побережья.

Я связался с Френчи по телефону, и мы встретились на следующий день в «де По», где байкер обычно проводил свой обеденный перерыв. Когда я туда добрался, он играл в пул с Оки Рэем, Крейзи Роком и молодым китайцем по имени Пинг-Понг. Войдя в заведение, я немедленно снял с себя свою спортивную куртку с эмблемой Палм Бич, в знак уважения к явно демократической, свободной атмосфере, которую, похоже, предпочитали посетители.

Френчи довольно долго не обращал на меня вообще никакого внимания, и я чувствовал себя не совсем в своей тарелке. Потом он кивнул мне, как-то вяло улыбаясь, и положил шар в одну из боковых луз. Я купил стакан пива и огляделся. Вокруг ничего практически не происходило. Пинг-Понг болтал не умолкая, а я точно не знал, как себя с ним вести. Он не носил никаких «цветов», и я никогда не слышал об Ангеле-китайце, однако беседу китаец вел, словно он – выдавший виды ветеран. (Позже мне сказали, что Пинг-Понг был одержим идеей любым путем попасть в клуб и проводил большую часть своего времени, болтаясь вокруг «Бокс Шопа» и «де По». Своего байка у него не было, но он пытался компенсировать его отсутствие присутствием курносого «магнума-357» в заднем кармане брюк. На Ангелов этот фокус особого впечатления не произвел. У них уже был один китаец, механик в местном магазине фирмы «Харлей-Дэвидсон», но тот был спокойным, заслуживающим доверия типом и не таким отмороженным, как Пинг-Понг, который выводил «отверженных» из себя. Ангелы знали, что он во что бы то ни стало решил произвести на них впечатление, и от такого чрезмерного рвения им было как-то не по себе. «Он настолько озабочен, чтобы показать, какой он классный, – говорили они, – что из-за него одного нас всех могут упечь за решетку».)

Партия в пул закончилась, Френчи сел за стойку и спросил, что меня, собственно, интересует. Мы проговорили около часа, но его манера беседовать действовала мне на нервы. Он то и дело выдерживал паузу, – и при этом заданный вопрос как бы повисал в воздухе, – обращая ко мне лицо с печальной, едва заметной улыбкой... словно намекая на какую-то очень личную шутку, которую я (по его глубокому убеждению) должен был непременно понять и оценить. Дух враждебности витал в воздухе, словно дым в непрветриваемой комнате,

---

⁵ Френчи из Фриско, а не Френчи из Берду.

и через некоторое время я четко усвоил, что эта тяжелая атмосфера – из-за меня, и появилась она сразу же, стоило мне переступить порог этого заведения. Впрочем, это чувство довольно быстро рассеялось. Но ощущение угрозы оставалось – как часть той атмосферы, которой дышат Ангелы Ада. Их коллективная личность настолько переполнена недружелюбием и агрессивностью, что они даже не дают себе в этом отчета. Они совершенно осознанно напрягаются на многих чужих для себя людей, но даже тогда, когда пытаются быть дружелюбными, Ангелы вызывают отрицательную реакцию. Я был свидетелем, как они пытались развлечь какого-то постороннего человека, рассказывая истории, которые, с их точки зрения, были очень смешные, но которые вызывают лишь страх и тошноту у слушателя, в чье чувство юмора вставлен совсем другой фильтр.

Некоторые из «отверженных» понимают, что в их взаимоотношениях с другими людьми существует пропасть, однако большинство из них искренне недоумевают и оскорбляются, когда слышат, что «нормальные» люди считают их ужасными созданиями. Они приходят в бешенство, когда читают о том, какие они гнусные, но, вместо того, чтобы стянуть в магазине какой-нибудь дезодорант, стремятся произвести еще более отвратительное впечатление. Лишь немногие старательно работают над тем, чтобы их тело источало обращающий на себя внимание запах. Те из них, кто женат или имеет постоянную подругу, моются так же часто, как и большинство людей, не имеющих постоянную работу, и умудряются исправить этот «недостаток», как можно чаще пачкая свою одежду⁶. Такое своего рода сознательное ухудшение собственного образа красной нитью проходит через весь стиль их жизни. Сильнейший смрад, по их словам, это вовсе не их собственный запах, а запах старой смазки на их покрытых коркой униформах. Каждый Ангел-новобранец появляется на свое посвящение в новых джинсах «левайс» и подобранной джинсам под стать куртке с обрезанными рукавами и пустой эмблемой на спине. Церемонии в различных отделениях клуба отличаются друг от друга, но апогеем всегда является изгаживание новой униформы иницируемого. Во время обряда будет набрано ведро говна и мочи, которое затем выливается на голову новичка при торжественном крещении. Или же – он снимает с себя всю одежду и стоит голый до тех пор, пока на одежду не выльют ведро помоев и остальные Ангелы не втопчут ее в грязь.

После посвящения эта одежда считается его «истинной» и называется «оригиналами», и он обязан носить эти вещи постоянно, пока те не сгниют. «Левайс» окунают в масло, затем вывешивают подсушиться на солнце или оставляют под мотоциклом на ночь, чтобы джинсы пропитались каплюющей картерной жидкостью. Когда штаны становятся слишком заскорузлыми для ношения, их надевают поверх новых «леваисов». Часто куртки бывают такими грязными, что «цвета» едва видны, но их не снимают, пока в буквальном смысле безрукавки сами не разваливаются на куски. Состояние «оригиналов» – признак положения их хозяина среди «отверженных». Требуется год или два, для того чтобы одежда дошла до той кондиции, когда человек может почувствовать, что он на самом деле поднялся по ступеням таблицы о рангах.

Френчи и других Ангелов в «де По» интересовало, нашел ли я их по запаху. На еженедельном собрании, которое проходило позже тем же вечером, я заметил, что кое-кто носит под своими «цветами» дорогие шерстяные рубашки и лыжные куртки. Когда в два часа бары закрылись, пятеро из «отверженных» заявили ко мне на квартиру, устроив ночную попойку, которая закончилась лишь под утро. На следующий день я уяснил, что один из них был печально известным разносчиком паразитов, настоящей ходячей вшивофермой. Я тща-

---

⁶ Бывалые дамы Ангелов в целом отрицательно относятся к этому З. Т. (Запаху Тела). «Мой парень однажды выдержал два месяца, не принимая душ, – вспоминает девушка из Ричмонда. – Он хотел посмотреть, что получится, если жить в полном соответствии с репутацией, которой мы пользуемся среди других людей... Я заработала свищ, да и по-любому не могла вдыхать это добро – стало так плохо, что я сказала ему: «Убирайся на другой матрац – я не буду с тобой спать, пока ты не вымоешься».

тельно обследовал мою гостиную в поисках вшей и других маленьких животных, но ничего не нашел. Целых десять дней я провел в нервном ожидании, полагая, что он наверняка мог оставить гнид, которые все еще пребывали в инкубационном состоянии, но паразиты не подавали признаков жизни. Той ночью мы играли много песен Дилана, и довольно долго после этой вечеринки я вспоминал о вшах каждый раз, когда слышал голос Боба.

Это случилось ранней весной 1965-го. К середине лета я стал настолько своим в кругу outlaws, что уже и сам не был уверен, провожу ли я исследование по Ангелам Ада или же они меня самого медленно, но верно сжирают со всеми потрохами. Я обнаружил, что два-три дня каждую неделю провожу в барах Ангелов, в их домах, на пробегах и вечеринках. В самом начале моей «ангельской» эпопеи я не позволял им вторгаться в мой собственный мир, но спустя несколько месяцев для моих друзей стало совершенно обычным делом столкнуться с Ангелами Ада нос к носу в моей квартире в любое время дня или ночи. Их приезды и отъезды вызывали периодический шумер в соседней округе и иногда собирали толпы зевак на тротуаре. Когда слухи об этом дошли до моего хозяина-китайца, у которого я снимал жилье, он прислал своих эмиссаров, чтобы они выяснили, чем же это я занимаюсь на самом деле.

Однажды утром позвонили в дверь, и я послал Бродягу Терри посмотреть, кто там звонит и – если что – отшить сборщиков квартирной платы, но все его действия были очень скоро пресечены приездом патрульной полицейской машины, вызванной женщиной из соседнего дома. Дама являла собой саму Вежливость, пока Ангелы убирали свои мотоциклы с ведущей к ее дому аллеи, но на следующий день спросила меня, неужели «эти ребята» – мои друзья. «Да, мэ», – ответил я, и ровно через четыре дня получил уведомление о выселении.

В воздухе витало совершенно четкое предчувствие, что кого-то должны изнасиловать, и это ощущение представляло реальную угрозу для жизненных ценностей этих собственников; квартал должен был быть очищен от мерзопакостных элементов! Лишь только после того как я переехал, до меня дошло, что эта женщина была действительно перепугана до смерти. Она видела, как компании Ангелов то и дело входят и выходят из моей квартиры, но как-то раз она повнимательнее посмотрела на них, услышала ужасный рев их машин, и с тех пор она чувствовала, как у нее воспаляются каждый раз нервные окончания, стоит ей только услышать рев мотоцикла. Они угрожали ей день и ночь, шумели и ревели под ее окном, и ей ни разу не приходило в голову, что случайный гудок чоппера outlaw разительно отличается от пронзительного завывания маленьких байков зубоврачебной братии, орудовавшей за полквартила отсюда. Днем она стояла на крыльце, поливая дорожку из садового шланга и с ужасом пялилась на каждую «хонду», которая спускалась с холма из близлежащего медицинского центра. Временами вся улица, казалось, оживала вместе с Ангелами Ада. И это намного превышало способности восприятия любого исправно платящего налоги гражданина. На самом деле в их визитах не было ничего зловещего, разве что музыка звучала слишком громко, да несколько мотоциклов мешали ходить по тротуару, и несколько выстрелов раздавались из окна, выходящего во двор. Больше всего неприятностей происходило как раз в те вечера, когда здесь Ангелами и не пахло: один из моих наиболее уважаемых посетителей, рекламный администратор из Нью-Йорка, настолько проголодался после долгой ночной пьянки, что украл ветчину из холодильника в соседней квартире; другой мой гость поджег мой матрац ракетницей, и нам пришлось выбросить его из окна; третий мчался как безумный по улице с мощной сиреной «Фэлкон», которой обычно оснащаются лодки, чтобы в случае необходимости подать сигнал бедствия; люди проклинали и материли его по меньшей мере из двадцати окон, и он чудом не пострадал, когда из дверей одного дома выскочил какой-то тип в пижаме и набросился на него с длинной белой дубинкой.

А еще как-то раз ночью местный адвокат лихо подкатил через тротуар и подъездную дорожку и начал истошно гудеть у крыльца, едва не высадив дверь своим бампером. Один бывший у меня в гостях поэт выбросил мусорный бак под колеса проезжавшего мимо автобуса – раздался дикий скрежет, словно произошла авария. Мой сосед сверху сказал, что звук был такой, словно вдребезги разбился «фольксваген». «Услышав такое, я буквально катапультировался из постели, – утверждал он. – Выглянул в окно, и то, что я увидел, оказалось обычным автобусом. Я-то думал, что они ударились лоб в лоб, и машину смяло на хер. Такой ужасный щемящий звук раздался. Мне показалось, что людей в этой автокатастрофе должно было просто размазать».

Один из самых худших эксцессов, случившийся в ту пору, вообще не вызвал никакого недовольства: это была своего рода показательная мощная пальба, открытая воскресным утром в три тридцать из самых лучших побуждений. По так и не выясненным никогда причинам я высадил заднее окно пятью выстрелами из дробовика 12-го калибра, сопроводив это шестью заходами из «Магнума-44», но – чуть позже. Произошла затяжная вспышка отчаянной пальбы, пьяного хохота и крушения стекол. Но соседи отреагировали полным молчанием. Некоторое время я думал, что некий чудаковатый порыв ветра вобрал в себя весь шум и унес его в морскую даль, но после моего выселения из квартиры романтизма в моих мыслях поубавилось. Каждый из выстрелов был должным образом записан в судовой журнал слухов. Другой квартиросъемщик в доме сообщил мне: дескать, хозяин был убежден, в результате всех услышанных им рассказов, что комнаты в моей квартире были превращены в развалины оргиями, драками, огнем и бессмысленной стрельбой. Он даже слышал истории о мотоциклах, въезжающих и выезжающих в дом через парадное.

Никаких арестов, правда, вслед за этими инцидентами не последовало, но, по слухам, циркулировавшим в округе, все случившееся было связано с Ангелами Ада, находившимися в моей квартире. Наверное, поэтому так редко вызывали полицию – никто не хотел, чтобы его грохнул какой-нибудь Ангел, расслабляясь на вечеринке мщения. Незадолго до моего переезда – выводок родственников хозяина, говорящих как настоящие китайские мандарины, явился для осмотра места действия, естественно, с целью составить счет за причиненный ущерб. На лицах у моих визитеров читалось явное недоумение, но они вздохнули с облегчением, не обнаружив никаких апокалиптических разрушений. Всех Ангелов Ада как ветром сдуло, не было никаких следов их присутствия, кроме одиноко стоявшего на тротуаре мотоцикла. Только он и попался им на глаза. Уходя, китайцы остановились поглядеть на него, треща без умолку на своем родном языке. Я забеспокоился, решив, что они обсуждают экспроприацию моего байка вместо возвращения залога, но один из членов этой компании, говоривший по-английски, заверил меня, что они просто восхищаются «элегантным видом» мотоцикла.

Сам хозяин весьма слабо представлял себе, насколько Ангелы Ада могут угрожать его собственности. Все жалобы должны были быть переведены на китайский, и я подозреваю, что он не смог постичь их смысл. По-своему воспринимая доходившие до него слухи и будучи не в курсе всего понаписанного и понарасказанного об Ангелах англоязычными средствами массовой информации, он никак не мог понять, почему мои соседи так ратуют за мое выселение. Люди, которых он посылал ко мне, чтобы поторопить с внесением уже просроченной квартплаты, также были не в теме – «отверженные» мотоциклисты находились за гранью их представления о реальности. Их здорово напугал мой щенок добермана, но они и глазом не моргнули, когда позвонили в мою дверь и столкнулись лицом к лицу с Бродягой Терри.

Он провел всю ночь на ногах и окончательно охмелел от таблеток и вина. Было холодно и дождливо, и по пути к моей обители он остановился на развале Армии Спасения и купил то, что раньше было меховой шубой, за тридцать девять центов. Должно быть, подобное

одеяние носила Марлен Дитрих в двадцатые годы. Изодранный подол развевался вокруг его колен, и рукава напоминали колбасины свалывшихся спутанных волос, растущих из проймы его жилета Ангелов Ада. Закутанный в эту шубу, он, должно быть, весил около трехсот фунтов... и походил на нечто примитивное и умалишенное, носящее сапоги, бороду и круглые темные очки, как у слепого.

Разрешить ему пойти и открыть дверь, судя по всему, и являлось для меня окончательным решением проблемы своевременного внесения платы за квартиру. Как только он протопал как слон по прихожей, мы откупорили по новой пиво и приготовились услышать ужасающие крики и звук убегающих ног. Но, вопреки ожиданиям, до нас донесся лишь быстрый скомканный разговор, и несколько мгновений спустя Терри вернулся назад в гостиную. «Черт, да они даже ни разу не вздрогнули, – объявил он. – Для них я – просто еще один американец. Две старые дамы улыбнулись мне, не разжимая губ, а парнишка, говоривший по-английски, был настолько вежлив, что меня самого передернуло. Я сказал, что тебя нет, и я не знаю, когда ты вернешься, но они ответили, что подождут».

Он успел пробыть в комнате всего полминуты, как мы услышали какой-то шум на улице. Полиция прикатила за мотоциклами, и Терри заторопился наружу. Последующий за этим жаркий спор собрал примерно десятка два зевак, однако китайцы были невозмутимы. Они пришли говорить о деньгах, и их не должна была сбить с правильного настроения какая-то совершенно бессмысленная перебранка между легавыми и неким существом, выглядевшим так, будто оно прокопало насквозь земной шар со стороны Монголии и вылезло здесь, в Америке.

Большинство людей, которые останавливались поглазеть на скандал, узнали эмблему на спине Терри, и поэтому они могли оценивать ситуацию сразу с нескольких позиций – просто любопытных и людей, знавших участников перебранки. На самом деле спорящим следовало решить один-единственный вопрос: будут ли Терри и Торпеда Марвин (остававшийся в доме) платить штраф в 15 долларов с носа за блокирование подъездной аллеи или стражи порядка проявят милосердие и разрешат перетащить мотоциклы на десять футов вверх по холму к законному парковочному месту.

Складывалось впечатление, что легавые просто наслаждались общей ситуацией. Обычная жалоба о нарушении правил парковки привела к драматической конфронтации (на глазах у толпы добропорядочных граждан) с одним из наиболее скандально известных Ангелов Ада. Худшее, что они могли сделать, – выписать два штрафа на общую сумму в 30 долларов, но прошло еще двадцать минут, прежде чем легавые приняли окончательное решение. В конце концов, тот коп, который захватил в свои руки инициативу в первые мгновения развития драмы, резко положил конец всему спектаклю. Он внезапно сунул в карман свою книжечку для выписки штрафов, повернулся спиной к Терри со вздохом усталого, изнывающего от презрения и скуки человека. «Ладно, будет, – рявкнул он. – Просто убери эти чертовы машины с дороги, понял? Господи, да я должен был бы их отбуксировать, но...». Хоть легавый был и молод, но он прекрасно сыграл свою роль. Смотреть, как Бинг Кросби стыдит группу The Amboy Dukes за отказ выдвинуть обвинение против одного из их заправил, уличенного в оплевывании колоколов Святой Марии, – из той же оперы.

4

«Они – Дикие Билли Хикоки, Билли Киды. Они – последние американские герои, которые у нас есть, старик» (*Эд Биг Дэдди Ром*).

«Возьмите за жабры эту шваль» (*Newsweek. Март, 1965*).

Не все «отверженные» были счастливы от того, что стали знаменитыми. Ангелам из Фриско серьезно досталось после публикации серии статей в *Chronicle*, и они смотрели на репортеров, как моряки смотрят на рыбу-лоцмана, предвещающую несчастья и беды. На другой стороне залива, в Окленде, реакция была совершенно другой. Семь лет пресса обходила «отверженных» ледяным молчанием, и теперь байкеров из Ист-Бэй разбирало любопытство, и они совершенно утратили осторожность – за исключением вновь прибывших, особенно тех, кто явился из Берду. Они приехали в Окленд в поисках убежища, а не известности, и уж в чем они нуждались в последнюю очередь, так это в каком-нибудь фотографе из газеты. Некоторых из них разыскивали в Южной Калифорнии по обвинениям в воровстве, избиениях и уклонении от уплаты алиментов. Даже случайно сделанное фото или имя, беспечно выкрикнутое на парковочной стоянке, могло повлечь за собой цепь необратимых событий, в результате которых они оказались бы за решеткой; фотография, сделанная в Окленде, или интервью с упоминанием имен могли быть переданы по телеграфу и напечатаны в Сан-Бернардино на следующее же утро. И тогда уже было лишь вопросом времени, – буквально нескольких часов, – когда свора ищеек вновь возьмет их след.

Известность оказывала отверженным медвежью услугу и при найме на работу. В конце 1964-го из outlaws работало примерно две трети, но спустя год эта цифра сократилась где-то до одной трети. Терри незамедлительно уволили со сборочного конвейера на «Дженерал Моторз» через несколько дней после появления статьи в *True*⁷. «Они просто сказали мне, чтобы я уматывал, – сказал он, пожимая плечами. – Они ничего не объяснили, но парни, с которыми я работал, сказали мне, что мастер аж трясся весь при упоминании об этой статье. Он допытывался у одного парня, видел ли тот хотя бы раз, как я курю траву, и заводил ли я когда-нибудь разговор о групповых изнасилованиях, – такая вот хуйня. А в профсоюзе сказали, что они будут оспаривать это решение, но черт с ними! Я могу и по-другому заработать себе на хлеб».

На рынке труда услуги «отверженных» мотоциклистов большим спросом не пользуются. За редким исключением, даже те из них, кто имеет пользующуюся спросом на рабочих местах профессию, предпочитают садиться на пособие по безработице... Это дает им свободное время, возможность спать целый день, возиться сколько им влезет со своими мотоциклами и подрабатывать где-нибудь, не надрывая пупок, если им нужны будут какие-то наличные.

Одни практикуют кражи со взломом, другие «раздевают» машины, угоняют чужие мотоциклы или время от времени выступают в роли сутенеров. Многие живут за счет жен или подружек, зашибающих приличные бабки в качестве секретарш, официанток и танцовщиц в ночных клубах. Кое-кто из молодых «отверженных» все еще живет с родителями, но они не любят об этом распространяться и появляются дома, только когда им совсем станет невмоготу – отоспаться после пьянки, очистить от жратвы холодильник или выбить несколько баксов из семейной копилки в виде банки из-под печенья. Те Ангелы, которые работают, обычно нанимаются на полставки или дрейфуют от одной работы к другой, зарабатывая за одну неделю довольно приличные деньги, а за следующую – ни гроша.

---

⁷ Август 1965-го.

Они могут быть портовыми грузчиками, складскими рабочими, водителями грузовиков, механиками, клерками и вольнонаемными, готовыми на любую работу, за которую платят без проволочек и от которой не страдает их независимая и вольнолюбивая натура. Наверное, только у одного из десяти Ангелов есть постоянная работа или приличный доход. Слип из Окленда, инспектор по проверке на сборочном конвейере «Дженерал Моторз», зарабатывает около 200 долларов в неделю; у него есть собственный дом, и он как любитель не прочь потусоваться на фондовой бирже. Тайни, парламентский пристав Оклендского отделения и главный проламыватель черепов, контролирует выплату кредитов на местной телевизионной кабельной сети. Он – владелец «кадиллака» и получает 150 долларов в неделю за то, что выбивает из людей деньги, если те задерживают платежи⁸. «В этом бизнесе у нас много должников, – говорит он. – Обычно я звоню им первый. И строю из себя настоящего делового, пока не убеждаюсь, что передо мной тот тип, который мне нужен. Затем я говорю ему: «Слушай сюда, мудила, я даю тебе двадцать четыре часа, чтобы ты объявился здесь с причитающейся суммой». Обычно такой приемчик выбивает из них все говно, и они очень быстро раскошеляются. Если же такого не происходит, я приезжаю к ним домой и ломлюсь в дверь, пока кто-нибудь не отреагирует. Бывает, конечно, попадается какой-нибудь хитрожопый хряк, который пытается дать мне от ворот поворот... Тогда я зову пару ребят, выкладываю им на бочку несколько баксов за оказание необходимой помощи, и мы вместе отправляемся с визитом к этой мрази. Срабатывает всегда безукоризненно. Пока еще ни разу не возникало необходимости отделать кого-нибудь серьезно».

Среди Ангелов есть и те, у кого имеются постоянные доходы, но все же большинство беспредельщиков от случая к случаю берется за всевозможные виды работ, которые вскоре будут выполнять за человека машины. Довольно трудно получить даже такую работу, которая не требует особой профессиональной подготовки, пока носишь волосы до плеч и золотую серьгу в ухе в придачу... Если, конечно, не попадется на твоём пути работодатель, который находится в совершенно отчаянном положении и готов на все, или же если терпение такого джентльмена не знает границ. В любом случае просить взять тебя на работу, когда ты – член известного по всей стране «криминального мотоциклетного заговора», – препятствие, которое может преодолеть лишь суперталантливый человек, а на это способны лишь немногие Ангелы. Большинство из них не обучено никакому ремеслу и необразованно, у них нет каких-либо четких социальных или экономических привязок. Зато в наличии имеется впечатляющий послужной список арестов и задержаний, и нет той силы, которая выбила бы из них прекрасное знание мотоциклов.⁹

Так что их существование основывается не на тоскливой жажде быть востребованными в том мире, к которому они в принципе не имеют никакого отношения. Движущая сила всех их поступков кроется в инстинктивной уверенности в том, что они-то знают, какова удача на самом деле. Они выброшены за борт праздника жизни и прекрасно осознают это. Если бунтари из студенческих кампусов, приложив минимум усилий, выплывут на поверхность из глубин своей борьбы с истеблишментом и в руках у них будет надежный пропуск для приобретения места под солнцем, то мотоциклист-outlaw смотрит в будущее мрачным взглядом человека, у которого абсолютно нет каких-либо карьеристских устремлений или особых надежд на положительные сдвиги в его жизни. В мире, конвейер которого с фее-рической быстротой поглощает и перемалывает специалистов, механиков и фантастически

⁸ Многократные вызовы в суд серьезно подорвали финансовое положение Тайни к концу лета 1965 года, и в июне 1966-го он был вынужден взять бессрочный отпуск, чтобы присутствовать на своем собственном процессе по обвинению в изнасиловании при отягчающих обстоятельствах.

⁹ К середине 1966 года война во Вьетнаме дала кое-кому из Ангелов возможность заработать деньги. Объем военных перевозок через Оклендский армейский терминал породил такой спрос на грузчиков и водителей, что Ангелов нанимали на работу даже против их собственного желания.

сложную технику, Ангелы Ада – явные аутсайдеры, и сознание этого факта здорово достает их. Но вместо того, чтобы спокойно покориться уготованной им всем судьбе, они превратили свое аутсайдерство в основу незатихающей кровной мести обществу. Они не ждут, что им улыбнется фортуна и они что-нибудь выиграют, но, с другой стороны, им и терять-то нечего.

Если первой помехой на пути превращения в общественно значимую фигуру была неспособность найти работу, то второй помехой стало разочарование, постигшее их, когда выяснилось, что можно стать знаменитым и не получать за свою популярность ни копейки. Вскоре после того как еженедельные журналы сделали из них звезд, они начали поговаривать: «как бы разбогатеть за счет всей этой шумихи». Страх, что их быстро забудут и выбросят, как надоевшую игрушку, вскоре уступил место омрачающему радость бытия возмущению по поводу того, что их «поимели по полной программе» в целях увеличения продаж газет и журналов. «Отверженные» точно не знают, откуда берутся деньги или почему эти деньги появляются, и даже не знают, заслужили ли они их. Но, похоже, они пребывают в полной уверенности, что деньги просто валяются на дороге, и их надо только уметь подбирать. Эта уверенность достигла своего апогея в тот момент, когда некий Ангел попал на обложку *The Post*, и спустя всего несколько недель после этого замечательного события с ними можно было говорить только о деньгах, другие темы не волновали «отверженных» совершенно. У них наметилось заключение всевозможных сделок, на их головы посыпались бесконечные предложения, которые надо было передернуть, как в карточной игре, и принять определенное решение. А главное – надо было определиться – стоит ли быстро, изо всех сил, цепляться за пачки шальных денег или же постараться сохранять хладнокровие и составить схему выплаты авторских гонораров, до бесконечности растянув этот приятный процесс во времени и пространстве.

Ни один из них не понимал, что держит в руках мыльный пузырь на веревочке, до тех пор пока заключенные ими были сделки не стали лопаться одна за другой. Ангелы были слишком толстокожи, чтобы уловить общую тенденцию, потому что все они все еще мнили себя знаменитостями. И вот в один прекрасный день телефон перестал звонить. Игра была закончена. Они продолжали твердить о деньгах, но вскоре разговор завял. Бабок вокруг было, грубо говоря, хоть жопой жуй, но дотянуться до этого изобилия Ангелам никак не удавалось. Позарез был нужен хороший агент или свихнувшийся на деньгах легавый, но они не могли заполучить ни того, ни другого. Не оказалось никого, кто смог бы развести Сэла Минео на три тысячи долларов, которые они хотели получить за то, что помогли ему в съемках фильма. Не нарисовался и такой персонаж, который мог бы вытрясти две тысячи из продюсеров шоу Мерва Гриффина, где речь также шла об этом фильме. (Видит Бог, я пытался это проделать, и Ангелы до сих пор винят меня, что я заиграл и растранижил эти две штуки, но правда, как бы печальна она ни была, заключается в том, что люди Мерва просто не собирались платить... вероятно потому, что они знали, что Лес Крейн уже смонтировал фрагмент с Ангелами Ада.) Встречались и такие, кто пытался спровоцировать «отверженных» на получение незаконных доходов: на связь с журналистом из Сан-Франциско, знавшим Ангелов, вышел человек из одной телевизионной компании, который хотел оказаться в нужном месте с командой операторов, когда «отверженным» в очередной раз придет в голову идея вспороть брюхо какому-нибудь маленькому городку. Но сделка сорвалась, когда Ангелы выступили со встречным предложением: по 100 баксов каждому – и они наводят ужас и страх на любой город по выбору телевизионщиков. Получалась заманчивая, но довольно стремная гарантия съемок такого материала, от которого волосы становятся дыбом... Однако эта сделка была отвергнута самими телевизионщиками, вставшими на защиту благополучия и безопасности граждан.

Ангелы чрезвычайно гордились появлением своего собрата на обложке *Post*, хотя там красовался один из самых малоизвестных и самых нетипичных членов клуба. Несмотря на

подвернувшийся шанс пощекотать нервы своим 6 670 000¹⁰читателей действительно зубодробительной картинкой, *Post* остановил свой выбор на Скипе фон Бугеннинге, бывшем рок-н-ролльщике и служащем супермаркета, который выглядел и говорил так, как, по общему мнению, должен был выглядеть и говорить идеальный кандидат от биржи труда. Слип – парень хороший, но выставлять его на публику в роли типичного Ангела Ада было равносильно пересъемкам «Дикаря», где главную роль играет не Марлон Брандо, а Сэл Минео. И шести месяцев не прошло с момента появления Скипа на обложке *Post*, как с него содрали «цвета» и выгнали из клуба. «Он никогда не был настоящим Ангелом, – сказал один из «отверженных». – Он просто чертов воображала».

По мере того как росла известность «отверженных», их собственная реакция на нее становилась все более двусмысленной. Сначала, когда почти все написанное о них заимствовали из доклада Линча, они были в ярости от того, что такие ответственные журналисты могут быть столь небрежными и предвзятыми. Они высказывались о редакторах и репортерах как о таких безнадежно коррумпированных, невероятных отходах человеческого общества, что с ними невозможно иметь дело ни при каких обстоятельствах. Каждая недоброжелательная статья вызывала взрывы горечи, но Ангелы испытывали настоящий кайф, когда у них брали интервью и фотографировали, и, вместо того чтобы погружаться в злобное молчание, они даже продолжали попытки набить себе цену, раздавая новые интервью направо и налево, дабы поддержать уже установленный рекорд.

Только один раз они проявили серьезную враждебность ко всему, связанному с прессой: сразу же после появления статей в *Time* и *Newsweek*. Помню, как я пытался показать статью в *Time* Крейзи Року, работавшему тогда ночным сторожем в сан-францисском «Хилтоне». Он краем глаза взглянул на журнальную вырезку и отшвырнул ее прочь. «Да я рехнусь, если начну читать эту чушь, – сказал он. – Бессмыслица какая-то. Дерьмо собачье». Ангелы из Фриско хотели из принципа отметить меня цепями. Позже, когда я встретил Ангелов из Окленда, зашла речь о том, чтобы торжественно поджарить меня на костре из-за редкой гадости, которую напечатала *Newsweek*. Так продолжалось до тех пор, пока в *The Nation* не появилась моя статья про мотоциклы, только тогда они по-настоящему поверили, что я все это время не водил их за нос.

Чуть позже, в том же году, в частности после их дебюта на политической арене – схватки с участниками марша за мир во Вьетнаме из Беркли, Ангелы перестали смеяться над газетными и журнальными вырезками, где писалось о них. Тон репортажей менялся, особенно это было заметно по *San Francisco Examiner*, изданию Херста, и *Oakland Tribune*, изданию Уильяма Ноулэнда. Даже в *San Francisco Chronicle*, газете, которая то и дело поднимала Ангелов на смех, ныне покойный Люций Биби посвятил одну из своих воскресных колонок высмеиванию демонстрантов из Беркли и закончил ее словами: «Судя по всему, у Ангелов Ада есть чувство ответственности и реальности, которое повсеместно отсутствует в районе Ист-Бэй».

С этого момента оставалось только гадать, занимались ли Ангелы мистификацией, вводя в заблуждение прессу, или же наоборот. Беспристрастные наблюдатели и любители газет считали, что если это правда, то правда со странноватым душком. Например, *Examiner* всегда относился к Ангелам со страхом и отвращением, а тут ни с того ни с сего представил их как истинных патриотов, чье настроение было неправильно понято. Сегодня для *Examiner* наступили трудные времена, но он все еще остается влиятельным среди тех, кто опасается, что король Генрих III по-прежнему жив и скрывается в Аргентине. *The Tribune* – газета того же толка, однако она не страдает стыдливими неточностями, ставшими основными отличительными чертами *Examiner*. В 1964 году, например, империя Херста отказалась от Голдуо-

¹⁰ Данные по распространению приведены на конец 1965 года, согласно отделу дистрибуции *Post*.

тера, в то время как *The Tribune* продолжала держать марку. И так случилось, мистер Ноулэнд успешно руководил праймериз сенатора в Калифорнии, так что не возникало особых сомнений относительно того места, где оказалась *Tribune* в ноябре месяце, потеряв практически все свое окружение и свиту. В некоторых кругах *Tribune* считалась классическим примером того, что антропологи называют «катавистическими стремлениями»¹¹.

Люций Биби был, как тот самый кот, который гулял сам по себе, и его точка зрения не играла решающую роль в каком-либо выпуске издания, особенно после поступившего от него язвительного предложения обнести прерии колючей проволокой... но время от времени он всплывал, являя собой пример действительно классического занудства, и по какой-то причине *Chronicle* продолжала печатать материалы Люция даже после его смерти где-то в начале 1966-го. Я три года прилежно читал эту газету и ни разу не столкнулся с человеком, который воспринимал бы Биби серьезно, пока несколько Ангелов Ада не процитировали мне его колонку – с серьезным выражением лица и преисполнившись гордости. Когда я расхохотался, они ужасно обиделись. Биби благосклонно сравнивал их с техасскими рейнджерами – и, если принимать во внимание, что они привыкли читать о себе в прессе, это было сравнимо лишь с прорывом к получению золотой звезды. Я попытался было объяснить, что Люций обманщик и шарлатан, но они и слушать ничего не хотели. «Блядь, да в первый раз в жизни я прочитал о нас что-то хорошее, – заявил один, – и ты пытаешься мне доказать, что этот парень – говнюк... черт, да это лучше всего того, что *ты сам* написал о нас когда-либо».

Слова эти были чистой правдой, и я чувствовал себя из-за этого очень скверно. Мне никогда не приходило в голову сравнивать Тайни с Бэтом Мастерсоном. Или Терри – с Билли Кидом. Или Сонни – с Баффало Биллом. И даже после того, как «Биг Дэдди» положил на это с большой колокольни, я все еще не мог выстроить для себя ассоциативный ряд... И тут является Биби, с его аналогией между Ангелами и техасскими рейнджерами, с которой сами «отверженные» немедленно согласились.

«Отказался бы ты от общественных печатных изданий?» (*риторический вопрос англосаксов*).

Если и можно сказать еще что-нибудь об Ангелах, то слова эти будут следующими: никто и никогда не обвинял их в скромности, и эта по-новому ориентированная пресса стала настоящим бальзамом для ран их давно оскорбленного Эго. Ангелы начали расценивать неожиданно свалившуюся на них славу как подтверждение правомерности своих старых подозрений – они были редчайшими, очаровательными созданиями («Проснись и врубись, мужик, мы – техасские рейнджеры»). Они испытали настоящий шок от факта признания, которое должно было прийти к ним давным-давно (паблисити получилось с просроченным сроком годности), и, хотя чувство времени для них было несвойственно, в общем и целом результат пришелся Ангелам по душе. Тогда же они пересмотрели свой сложившийся годами взгляд на прессу: не *все* репортеры были врунами и лжецами с рождения – там и сям попадались исключения, люди, обладающие таким мужеством, выдержкой и острым пониманием проблемы, что могли выдавать на-гора настоящий продукт.

¹¹ В отличие от Examiner, который в 1965 году в конце концов вылетел в трубу и был поглощен Chronicle, Tribune превратилась в прибыльное предприятие, единственное ежедневное утреннее издание. Вместо того чтобы действовать заодно, Examiner переключился на дневной режим публикаций.

5

«Он носил черные брюки из чертовой кожи и мотоциклетные ботинки,
И черную кожаную куртку с орлом на спине.
У него был мотоцикл с форсированным двигателем,
Мотоцикл летел как пуля,
И этот дурак был ужасом всего 101-го хайвея»

(хит музыкального автомата конца пятидесятых).

Климат Калифорнии благоприятен и для мотоциклов, и для занятий серфом, и для прогулок в машинах с откидным верхом, и для плескания в бассейнах, и для купаний вообще. Большинство мотоциклистов – безвредные типы, отрывающиеся в выходные. И они такие же безвредные как лыжники или аквалангисты. Но сразу же после окончания Второй мировой войны на Западное побережье, словно эпидемия чумы, обрушились банды диких молодых людей на мотоциклах, странствующих по хайвеям компаниями от десяти до тридцати человек. Они останавливались где угодно, стоило им только почувствовать жажду или усталость от дороги, чтобы пропустить немного пива и пошуметь. Адское варево из «ангельского» паблисити в 1965-м сделало так, что этот феномен представлялся чем-то необычайно новым. Однако и среди самих Ангелов Ада есть те, кто настаивает, что критический момент для тусовки «отверженных» наступил еще в середине пятидесятых, когда «основоположники» позволили себе опуститься настолько, что начали вступать в законный брак, погрязли в закладах-перезакладах своего нехитрого имущества и выплатах за купленное в рассрочку.

По их словам, вся каша заварилась в конце сороковых. Большинство бывших солдат захотело в те дни вернуться к размеренному, упорядоченному бытию: поступить в колледж, жениться, найти работу, родить детей – короче, обзавестись всеми излишествами мирного существования, потребность в которых человек чувствует, когда ему нечего бояться за свою жизнь. Но так считали не все. В 1945 году оставались тысячи ветеранов, которые решительно отвергали идею возвращения к своим довоенным занятиям и манере поведения. Наподобие дезертиров, сбжавших на Запад после сражения при Аппомэтоксе, они хотели не порядка, а уединения, – и времени, чтобы переосмыслить все происходящее вокруг. Это было нервное, упадочное настроение, нездоровая *Злость* – обычный результат войн... Возникло ощущение, что судьбой отпущено тебе совсем немного, что время сжимается и наваливается на тебя всей тяжестью. Их переполняла жажда действий, и одним из способов утолить эту жажду стал большой мотоцикл. К 1947 году мотоциклы оживили жизнь штата, почти все они были мощными стальными американскими конягами от «Харлей-Дэвидсон» или «Индейцами»¹².

Две дюжины блестящих, отдраенных «харлеев» заполнили парковочную стоянку бара «Эль Эдоб». Ангелы кричали, смеялись и пили пиво, не обращая внимания на двух испуганных тинейджеров, жавшихся в сторонке. Наконец, один из мальчиков обратился к тощему бородатому outlaw по кличке Пузо: «Нам нравятся ваши мотоциклы, парень. Они действительно ништяк». Пузо сначала посмотрел на говорившего, потом – на мотоциклы. «Я рад, что они тебе нравятся, – ответил он. – Это единственное, что у нас есть» (*сентябрь 1965 года*).

---

¹² В настоящее время не выпускаются.

Ангелов Ада шестидесятых мало интересует, откуда они взялись, и на духовных предков им практически наплевать. «Таких ребят днем с огнем теперь не сыщешь», – сказал мне Баргер. Но кто-то все-таки оставался, хотя в 1965-м вычислить последних из могикиан было совсем не просто. Одни уже умерли, другие сидели в тюрьме, а те, кто остепенелись и стали цивилизными, старались держаться в тени и не засвечиваться, известность им была не нужна. Среди тех, кого мне удалось обнаружить, был Притэм Бобо. Я нашел его в субботу днем в Сосалито Яхт-Харбор, через залив от Сан-Франциско. Он готовил свой сорокафутовый шлюп к путешествию на Карибы, в один конец. Команда путешественников, по его словам, состояла из его шестнадцатилетнего сына, двух годных для морского плавания Ангелов Ада и его английской подружки, потрясающей блондинки, растянувшейся на палубе в голубом бикини. Притэм – один из двух оставшихся в живых членов отделения Ангелов во Фриско. Другой, Фрэнк, покинул мир outlaws, семь лет отрубив на посту президента сан-францисского отделения. Теперь он занимается серфингом где-то на юге Тихоокеанского побережья. Фрэнк – это своего рода Джордж Вашингтон Королевства Ангелов; его имя произносится с глубоким почтением не только во Фриско, но и в других отделениях. «Он был самым лучшим нашим президентом, – утверждают Ангелы. – Он держал нас всех вместе, мы были как один сжатый кулак, и он был по душе каждому из нас». Фрэнк был классным мотоциклистом, и сам придумал множество стиливых фишек для имиджа Ангелов – от золотой серьги в ухе и выкрашенной в пурпурный цвет бороды до кольца в носу, которое он носил лишь в том случае, когда его окружали «правильные» люди. Во времена его президентства, с 1955-го по 1962-й, он был вполне уважаемым человеком у себя на работе, а работал он... кинооператором. Однако душа Фрэнка жаждала еще большей деятельности, и рамки обычной, хоть и постоянной, работы были ему чрезвычайно тесны. И для этого у него были Ангелы – средство воплощения его юмора и фантазий, настоящий подарок для выплеска любой агрессивности и редкий шанс вырваться из мрака занудства обычного рабочего дня. В роли некоего голема-милитариста он так по крайней мере устраивал небольшую встряску людям, до которых никаким другим способом не смог бы достучаться. Фрэнк был настолько законченным хипстером, что отправился в Голливуд и купил там желто-голубой, полосатый бумажный свитер, в котором Ли Марвин красовался в «Дикаре».

Фрэнк заносил его до дыр и появлялся в этом желто-голубом великолепии не только на пробегах и вечеринках. Когда он чувствовал, что преследования Ангелов полицейскими выходят за пределы нормы, то мог появиться в своем голливудском свитере в офисе шефа полиции и требовать справедливости. Если такой демарш заканчивался безрезультатно, он отправлялся в Американский союз гражданских свобод – шаг, от которого Баргер из Окленда категорически открещивался из-за его «коммунистической» окраски. В отличие от Баргера, Фрэнк обладал извращенным чувством юмора и более обостренным инстинктом самосохранения. Семь лет от звонка до звонка он стоял во главе крупнейшей и самой дикой тусовки среди всех отделений Ангелов Ада – и ни разу не был арестован, и ни разу не вступил в конфликт с кем-нибудь из своего клана. Даже сами Ангелы находили поставленный им рекорд по мудрости правления поразительным. Для того чтобы Притэму получить пост вице-президента, ему пришлось в течение недели драться с семьей Ангелами – троих он положил за одну ночь. Он выбил из них всю дурь, и от них остались лишь какие-то невразумительные ошметки. Но это было сольным выступлением Бобо; до того как в его жизнь вошли Ангелы Ада, он являлся одним из наиболее многообещающих боксеров Сан-Франциско в среднем весе, и для него не составляло особого труда опустить полдюжины доверчивых драчунов из пивняка. Позже, когда Бобо стал большим специалистом по карате, он благополучно устранил новое поколение рвущихся в бой претендентов на его должность.

Ангелы считали его достойным берсерком. «Иметь под рукой спеца по рукопашному бою всегда хорошо, – изрек один из них, – но среди своих он должен вести себя спокойно. Кое-кто иногда допивается до чертиков и начинает просто бросаться на людей».

До своего ухода из Ангелов Бобо навел пьяный шухер в литературных барах побережья. Его коллеги не горели желанием выпивать вместе с ним по вполне серьезной причине – пить с ним было и неудобно, и небезопасно. Однажды, войдя с перепоя в штопор, он в бешенстве нанес каратистский удар и сломал четырехдюймовой толщины мраморную скамейку во Дворце правосудия. Даже полиция обходила его стороной. Бобо вел занятия в школе карате и обожал «смертельные поединки» – каратистскую версию контактных боксерских матчей без ограничений – эры Джона Л. Салливана. Один из соперников не обязательно должен был отдать концы, но драка могла продолжаться до тех пор, пока кто-нибудь из дерущихся не падал с ног, причем не важно почему... А если причиной этого была все-таки смерть, то оба бойца и тщательно подобранные зрители по заранее достигнутой договоренности считали ее случайной¹³. К сожалению, Бобо принял экспромтом вызов на «смертельный поединок» от заезжего японца в тот самый вечер, когда к нему с компанией друзей пришла репортерша светской хроники Сан-Франциско. Журналисты выискивали возможность накатать какой-нибудь сенсационный материал. В итоге дело обернулось кровавым кошмаром, отчаянным визгом и паникой на галерке. Трупов не было, но шоу оказалось весьма жестоким, и вскоре после этого имя Притэма Бобо было убрано из списка лицензированных инструкторов по карате.

И только тогда, исчерпав все иные способы деморализации общества, он серьезно занялся сочинительством. Несколькоими годами ранее он завязал с байками «из-за позорного клейма». После долгого прозябания в качестве мотоциклетного курьера он случайно натолкнулся на «Рубайат» Омара Хайяма и решил, что ему просто решительно необходимо опубликовать свои собственные мысли. Однако Бобо смог это сделать, лишь выполнив одно условие – он должен был пройти по улицам мира как обычный человек, без всяких выкрутасов. «Я чувствовал себя шлюхой, – рассказывал он, – но сказал редактору, что разыграю все по-цивильному. Черт, да у меня не было никакого желания провести остаток жизни мальчиком на побегушках».

В чем-то Притэм Бобо являет собой объект, достойный изучения, но я никогда точно не знал его названия. Он – ходячий памятник всем принципам, которые так любят отстаивать Ангелы Ада, но которые лишь очень немногие из них самих воплощают в жизнь. Будучи законченным outlaw, до мозга костей, Притэм каким-то загадочным образом умудрился извлекать из этого пользу. Как и Фрэнка, его ни разу не арестовывали за все время, пока он был активистом клуба. «Все что нужно – сохранять спокойствие в присутствии копов, – продолжает он. – Каждый раз, когда бы у нас ни случались напряги с законом, я просто отходил в сторону и держал язык за зубами. Если легавый когда-либо задавал мне вопрос, я вежливо ему отвечал и обязательно добавлял «сэр». В таких ситуациях, старик, легавому нравится, когда кто-то называет его «сэр». Это классный приемчик, не более того. И к тому же это гораздо дешевле, чем сидеть в тюрьме».

Бобо стал мотоциклистом задолго до того, как присоединился к Ангелам Ада. Он вспоминает, как однажды ночью проехал угол Ливенворта и Рынка в деловой части Сан-Франциско и увидел скопище байков у стен «Энтонес» – зала для игры в пул. Он остановился просто сказать «привет» и вскоре после этого стал членом тусовки неприкаянных райдеров, которые называли себя, вроде бы в шутку, «Маркет Стрит Коммандос». В начале пятидесятых мотоциклы встречались довольно редко, и их хозяева были счастливы найти себе компа-

¹³ До смертельного исхода дело доходит редко. Схватка обычно заканчивается, когда ставившие на каждого из бойцов решают, что мотив для поединка исчерпан.

нию. «Можно было отправиться туда в любое время суток, – вспоминает Притэм, – и всегда там стояло по крайней мере байков десять. Иногда по уик-эндам их насчитывалось пятьдесят или шестьдесят. И даже тогда возникали проблемы с полицией. Бизнесмены жаловались, что из-за байков клиенты боятся парковаться напротив их магазинов».

Почти целый год «Маркет Стрит Коммандос» проболтались, не устраивая никаких серьезных акций. Затем, в начале 1954-го, в городе показали фильм «Дикарь», и ситуация изменилась. «Мы отправились в кинотеатр «Фокс» на Маркет-стрит, – говорит Притэм. – Туда пришло примерно пятьдесят наших, с кувшинами вина и в черных кожаных куртках... Мы сидели на балконе, курили сигары, пили вино и гоготали как ублюдки. Все мы видели самих себя на экране. Все мы были Марлонами Брандо. Кажется, я посмотрел этот фильм раза четыре или пять».

«Коммандос» все еще находились под впечатлением от «Дикаря», когда в их жизнь ворвалась вторая новая волна – в лице дикого пророка Роки, мессии, принесшего Слово из Страны Полуденного Солнца. Десять лет спустя Бирни Джарвис, полицейский репортер San Francisco Chronicle и бывший Ангел Ада, описывает момент открывшейся истины в своей статье¹⁴.

Однажды жарким воскресным днем 1954-го смугловатый обворожительный демон, с щегольской заостренной бородкой и в шляпе, с пронзительным скрежетом осадил свой «харлей» у места тусовки мотоциклистов в Сан-Франциско.

Его выцветшая голубая куртка «левайс», с неровно откромсанными ножом рукавами, была украшена своеобразным гербом – изображением злобно скалящегося крылатого черепа, который вскоре станет столь хорошо известен калифорнийским законникам.

Под мышками на его клетчатой рубашке были видны темные круги от пота, пока он старательно фиксировал четырехфутовый руль своей машины. Одним движением своей руки в мотоциклетной перчатке он взорвал воскресное спокойствие, царившее на Маркет-стрит.

Он поставил свой байк на подножку, отполировал рваным платком сверкающий хром пружин, которые торчали над фарой на четыре дюйма, в нарушение всех магазинных правил. Он огляделся вокруг, небрежно вытирая свои засаленные, грязные руки о покрытые масляной коркой джинсы.

Это был Роки. Всем было наплевать, какая у него фамилия, потому что он был «классикой» и Ангелом Ада, приехавшим из самого Берду.

Тридцать аккуратно подстриженных мотоциклистов в начищенных ботинках наблюдали за его прибытием и рассматривали гостя с неким подозрением, потому что он был для них в то время чужаком, а дорога уже сплотила их давным-давно, и они намертво закорешились...

Главной в решении вопроса зачисления кого-либо в ряды Ангелов Ада была своеобразная приемная комиссия, или, что звучит более празднично, Приветственный комитет. Несмотря на абсолютную цивилизность, по сравнению с современными Ангелами Ада, эта банда с уличного перекрестка постоянно конфликтовала с представителями закона... Роки был избран президентом нового филиала Ангелов Ада, потому что он действительно был классным водилой, и ездил он со своеобразным шиком.

«Он мог нарезать на этом борове круги, даже если бы к ногам приделал ходули. Да, старик, этот чувак был совершенно безбашенным», – вспоминает один из членов Ангелов. Мотоциклисты нашли швею, которая смогла скопировать зловещую эмблему Роки. И это случилось незадолго до того момента, как около сорока Ангелов с ревом рванули из Сан-Франциско. Лаконичная надпись «Ангелы Ада – Фриско» вокруг ухмыляющегося черепа с крыльями стоила 7,50 доллара и обычно пришивалась к куртке «левайс». Белый фон, на

---

¹⁴ Для журнала Male.

котором красовались красные буквы, очень скоро был заляпан въедливой грязью – и кровью – в результате множества баталлий, разворачивающихся в барах.

«Знаешь, старик, вины нашей в этих мясорубках нет, – говорил мне один из поднаторевших в боях ветеранов махаловок в пивных залах. – Мы заходили в бары, и кто-то сразу начинал выебываться или пытался клеить наших цыпочек, и тогда нам приходилось драться. Ничего другого просто не оставалось!»

Полицейские донесения продолжали сыпаться как из рога изобилия, так что Ангелам приходилось менять места своих сборищ. Тусняк, или зависалово, – обычно для этого использовался ночной ресторан или зал для игры в пул – мог продолжаться где-то с неделю, пока жалобы жителей на шум или буйное поведение не заставляли появляться там представителей власти.

«Мы вытеснили этих бродяг на байках с Маркет-стрит, потому что они устраивали гонки в самом центре транспортного потока. Многие из них угоняли чужие мотоциклы, и мы были вынуждены всех их шмонать,» – говорил Ужасный Тэд, полицейский-мотоциклист, который в свое время называл кое-кого из Ангелов Ада своими друзьями.

«Мы называли этого байк-беспредельщика Ужасным Тэдом, потому что он действительно был хуйлом, старик. И, в частности, потому, что гонялся за нами как одержимый, а, поймав, тыкал в рожу своей книжкой»¹⁵.

«Так уж сложилось, что мне пришлось пойти на работу исключительно для того, чтобы оплачивать штрафы и держаться подальше от каталажки», – заметил Ангел, четыре раза потерявший свою водительскую лицензию в результате многочисленных нарушений дорожных правил.

Один смешной инцидент, связанный с эмблемами Ангелов Ада, произошел несколько лет назад, но до сих пор вызывает безудержное веселье у банды настоящих, крутых мотоциклистов.

Ангел, известный под кличкой «Немой», был остановлен как-то воскресным днем за превышение скорости полисменом неподалеку от пляжа в Санта-Круз. Немой гордо продемонстрировал свои «цвета» на ободранной куртке «левайс». «Сними ее», – написал полицейский в записной крижке, вежливо подsunутой ему Немым, который действительно был глух и нем как рыба.

Немой стащил с себя куртку «левайс», обнажив еще одну нашивку Ангелов на своей кожаной куртке. «Сними ее тоже», – приказал разгневанный полицейский, снова используя блокнотик Немого и карандаш. И под кожаной курткой оказалась шерстяная рубашка, также украшенная клубными «цветами». «И ее снимай», – в ярости нацарапал офицер. Под рубашкой оказалась майка. На ней тоже красовалась эмблема клуба. «О'кей, умник, и ее долой», – написал окончательно запутавшийся патрульный.

С самодовольной улыбкой Немой стащил с себя майку и выпятил вперед свою грудь, выставив на всеобщее обозрение татуировку – ухмыляющийся череп Ангелов Ада. Полицейский брезгливо отдернул руки, протянул Немому квитанцию на штраф и умчался прочь на своей патрульной машине. Но последнее слово осталось все-таки за Немым. Он был готов идти до конца. Его штаны и трусы были также раскрашены по трафарету.

«Он был запредельным хохмачом», – вот какой вывод делают друзья Немого.

«Люди уже заранее настроены против нас, потому что мы – Ангелы Ада. Вот почему мы любим давить им на психику. Это так или иначе бесит их, пудрит им мозги, вот и все» (*Джимми из Окленда*).

---

¹⁵ В 1966 Ужасный Тэд проскочил на красный свет в полицейской машине, не имеющей никаких специальных опознавательных знаков, и столкнулся с ехавшим на большой скорости автобусом. В катастрофе погибла его жена, вдребезги была разбита машина, а сам он получил тяжелейшие травмы.

Многие Ангелы вышли из других клубов «отверженных», некоторые из них – такие как «Пьяные Задиры», – были в свое время столь же многочисленны и наводили такой же страх, как сегодняшние Ангелы. Именно «Пьяные Задиры» – а не «Ангелы Ада» – провернули Холлистерский бунт, благодаря которому на свет появился фильм «*Дикарь*». Это случилось в 1947 году, когда тому, кто стал Ангелом Ада в 60-х, было меньше десяти лет.

В то время Холлистер был маленьким городком с населением около четырех тысяч человек – фермерская община в часе быстрой езды к югу от Окленда, чуть в стороне от предгорий Диаблос. Единственное, чем Холлистер славился в 1947-м, было производство 75 процентов всего чеснока, потребляемого в Соединенных Штатах. Холлистер был – и в чем-то до сих пор остается – тем типом городка, который Голливуд представил миру в киношной версии «*К востоку от Эдема*», тем самым местом, где командир местного отделения Американского легиона по определению является гражданским лидером.

И так должно было случиться, что 4 июля того года граждане Холлистера собрались вместе на ежегодное празднование. Традиционные атрибуты Дня независимости – флаги, оркестры, девушки с жезлами и т. д. – планировались в качестве прелюдии к более современной части праздника: ежегодному штурму на мотоциклах окрестных холмов и скоростным гонкам, которые за год до того собрали соискателей со всей округи: мальчиков из долины, фермеров, механиков из небольших городков, ветеранов, и просто толпу благопристойных парней, которым случалось ездить на мотоциклах.

В 1947-м холлистерские штурмы холмов и гонки также привлекли множество конкурентов – люди действительно съезжались отовсюду. Когда солнце взошло из-за Диаблос утром четвертого июля, подразделение местной полиции из семи человек нервно потягивало кофе после бессонной ночи и попытки взять под контроль приблизительно три тысячи мотоциклистов. (Полиция говорила о четырех тысячах; ветераны-мотоциклисты говорили о двух тысячах – так что три тысячи, наверное, будет правильно.)

Один факт был бесспорен: в Холлистере оказалось такое великое множество байков, что тысячей больше, тысячей меньше – разницы практически никакой. Толпа росла и становилась все более неуправляемой; к наступлению сумерек весь центр города был захламлен пустыми разбитыми пивными бутылками, и мотоциклисты принялись гонять взад и вперед по центральной улице. Пьяные кулачные бои перешли в полномасштабные схватки. Легенда гласит, что мотоциклисты в буквальном смысле захватили город, бросили вызов полиции, лапали местных женщин, грабили бары и пивняки и наезжали на каждого, кто попадался им на пути. Газетные заголовки так красочно отразили безумие того уик-энда, что заинтересовали малоизвестного продюсера Стенли Крамера и молодого актера по фамилии Брандо. Незадолго до своей смерти, в 1966-м голливудская очеркистка из раздела светской хроники Хедда Хоппер подметила ощущение угрозы, исходящей от Ангелов Ада, и проследила их историю в обратном направлении, к съемкам «*Дикаря*». Это исследование и побудило ее обвинить в порождении самого феномена «отверженных» Крамера, Брандо и всех остальных, кто так или иначе был связан с фильмом. На самом деле, «*Дикарь*» – фильм, который, по общему мнению, относится к категории «*fiction*», – был вдохновенным образцом киножурналистики. Вместо обычного потворства вкусам толпы в стиле *Time*, в фильме рассказывалась история, которая только-только начала раскручиваться в жизни и на развитие которой фильм оказал влияние. Благодаря этому «отверженные» долгое время воспринимали себя такими романтически окрашенными персонажами, яркое отражение которых лишь немногие из них смогли бы разглядеть в зеркале. Подобное отношение быстро стало ответом байк-райдеров на ленту «*Солнце тоже восходит*». Созданный ими образ не совсем соответствовал реальности, но в его широком распространении едва ли стоит винить фильм. «*Дикарь*» проводил четкую грань между «хорошими» и «плохими» «отверженными», но люди, которые больше всего им вдохновлялись, идентифицировали себя с Брандо, а не с Ли Марвином,

чья роль негодяя была гораздо ближе к жизни, чем созданный Брандо портрет оказавшегося в тупике героя. Они видели себя современными Робин Гудами... Мужественные, неразговорчивые *brutes*, чьи положительные инстинкты были некогда безнадежно извращены в борьбе за самовыражение и которые провели оставшуюся часть своей неистовой жизни во мщении миру, сделавшему их отрицательными персонажами, когда они были еще молодыми и беззащитными.

Другой голливудский вклад в «доктрину» Ангелов Ада – это название. Ангелы заявляют, что они окрестили себя так в честь знаменитой бомбардировочной эскадрильи времен Первой мировой войны, которая базировалась рядом с Лос-Анджелесом и чей персонал гонял по округе на мотоциклах в свободное от полетов время. Есть и другое мнение: дескать, Ангелы получили свое название из фильма 1930 года Джин Хэрлоу, основанного на идее какого-то сценариста относительно Армейских военно-воздушных сил – которые, может, существовали, а может, и нет – во времена Первой мировой войны. Фильм назывался «Ангелы Ада», и, конечно же, в 1950 году он был все еще на экранах, когда неугомонные ветераны основали первое отделение Ангелов в Фонтане и все еще раздумывали, чем бы им заняться. Судя по всему, название появилось задолго до рождения на свет любого из Ангелов Ада. И оно затерялось в истории одной из малоизвестных, заброшенных военных баз в Южной Калифорнии. И вот Голливуд вытащил это название из небытия, сделал его знаменитым и присовокупил к нему образ бешеных мужиков на мотоциклах – образ, который был позднее охотно воспринят, но претерпел радикальные изменения среди новой поросли изгоев. Голливуду и в самом страшном сне не могло привидеться ничего подобного, пока эти создания не появились во плоти на автострадах Калифорнии.

Явление «мотоциклиста-outlaw» настолько же уникально американское по своей природе, как и джаз. Ничего подобного тому и другому никогда не существовало. В какой-то момент эпохи «отверженные» появились в качестве своего рода обескровленного анахронизма – гибрида, как пережиток Дикого Запада в человеческом обличье. Однако во всем остальном они были такой же новинкой, как и телевизор. Если говорить о больших бандах хулиганов на мотоциклах, появившихся сразу после Второй мировой войны, то у них вообще не было никаких предшественников, упивающихся насилием, боготворящих скорость и ничего не имеющих против поездки на расстояние в пять сотен миль на выходные, буянящих с другими бандами мотоциклистов в каком-нибудь заштатном городишке, который и с десятком мирных туристов не может принять как подобает. Многие живописные деревушки на задворках американской цивилизации впервые вкусили плоды туризма не из рук семей, раскатывающих на «Фордах» или «Шевроле», а из лап орав пьяных «городских мальчиков» на мотоциклах.

Заглядывая из настоящего в будущее, можно сказать, что отчеты очевидцев о бунте в Холлистере кажутся просто детскими сказками по сравнению с фильмом. Более точным комментарием относительно характера «бунта» в Холлистере является тот факт, что поспешно собранные силы из всего лишь двадцати девяти копов взяли все шоу под свой контроль к полудню 5 июля. С наступлением сумерек основная часть мотоциклистов умчалась из города – в лучшем стиле описаний из *Time* – в поисках новых развлечений, соответствующих их мерзким наклонностям. Выполняя требования полиции, в городке осталось несколько Ангелов – одних из них наказали 25 долларами штрафа за нарушение правил уличного движения, другие получили по 90 дней тюрьмы за демонстрацию непристойностей. В скандалы и потасовки были вовлечены приблизительно от шести до восьми тысяч человек, около пятидесяти получили травмы различной степени тяжести и были доставлены в местный госпиталь. (Чтобы лучше понять, чем могут окончиться «мотоциклетные бунты», следует учитывать, что более четырехсот пятидесяти тысяч американцев погибает каждый год в результате дорожно-транспортных происшествий.)

Никто никогда не обвинял – по крайней мере вне стен суда – Ангелов Ада в немотивированных убийствах... Но стоит только подумать, что могло бы случиться, если бы на «отверженных» возложили ответственность пусть всего лишь за 3 или 4 смерти в результате дорожно-транспортных происшествий, да просто за несколько смертей в результате какого-либо недоразумения, – волосы встают дыбом. В таком случае любого мотоциклиста в Калифорнии разделали бы под орех прямо на улице, превратили бы его в гамбургер.

По многим причинам, зачастую противоречивым, вид человека на мотоцикле и звук мотоциклетного двигателя отрицательно действуют на подавляющее большинство американцев-автолюбителей. В какой-то момент зарождения всей шумихи вокруг Ангелов Ада один репортер, писавший для *The New York Herald Tribune*¹⁶, напечатал длинную статью о ситуации, сложившейся вокруг мотоциклов, и в заключение сделал вывод, «что есть нечто в облике пролетающего мимо мотоциклиста, что пробуждает во многих автомобилистах желание совершить убийство».

Почти все, кто когда-либо ездил на мотоцикле, с этим согласны. На хайвеях полно людей, которые ездят так, словно их единственной целью в жизни является месть за все зло, причиненное им людьми, зверями или судьбой. Единственное, что, похоже, держит их в рамках, – их собственный страх смерти, тюрьмы и судебных процессов (хотя в один прекрасный момент этот тормоз может отказать). Гораздо менее вероятно, что они могут вычислить какого-нибудь незнакомого байкера, чтобы бросить вызов ему, а не двухсотфунтовому автомобилю или реально существующему врагу. Мотоциклист должен ездить так, словно все остальные, встречающиеся на дороге, собрались его убить. Некоторые действительно собираются это сделать. А некоторые, кто далек от мысли замочить мотоциклиста, все-таки представляют собой определенную опасность, потому что исправить их закоренелую привычку небрежно, как Бог на душу положит, водить автомобиль может лишь угроза наказания, либо законодательным путем, либо путем физического воздействия. И здесь дело вовсе не в мотоцикле, якобы угрожающем каждому человеку за рулем машины¹⁷. Байк – абсолютно уязвим; его может спасти лишь маневренность; и любая угроза дорожного происшествия таит в себе возможный летальный исход – особенно на скоростной трассе, где невозможно упасть с байка, чтобы тебя тут же не переехали другие. Несмотря на все эти опасности, Калифорния, где фривей – это образ жизни, со значительным отрывом лидирует как самый большой мотоциклетный рынок страны.

---

¹⁶ Теперь исчезнувшей.

¹⁷ Притэм Бобо рассказал мне историю о человеке в «большой новой машине», который заставил его съехать с дороги на 40-м хайвее однажды в воскресенье, в пятидесятые годы. «Грязный маленький ублюдок продолжал буквально дышать мне в заднюю фару, – сказал Притэм. – Пока наконец я просто не свернул и не остановился. Другие парни видели это, так что мы решили преподать подонку урок. Старик, мы обрушились на него, как полчища муравьев... Мы молотили по его капоту цепями, содрали антенну и разбили все стекла, до которых только смогли дотянуться... и все это на скорости семьдесят миль в час, старик. Он даже не сбавил ход. Но был напуган до смерти».

6

«Мы начали замечать, что Ангелы Ада превращались в миф. Они стали народными героями – людьми, поведение которых настолько не вписывается в общую картину, что большинство молодежи может только мечтать о таком (пока ее не затянет в омут криминальной деятельности), – и легендарными защитниками, которые могут прийти на помощь всем угнетенным и преследуемым. Один старый мотоциклист, наблюдая, как полицейские измываются над его приятелем в городке неподалеку от округа Принца Джорджа, заметил во всеуслышание: «Мы просто дождемся, когда Ангелы приедут сюда завтра и услышат обо всем сами. Да они разнесут всю эту шарашку ко всем чертям» (*из статьи в Transaction, август, 1966, написанной двумя психологами. Они работали с полицией Мэриленда, с целью предотвратить беспорядки в городе, который готовился к проведению национальных мотоциклетных гонок*).

«Я разбил ему лицо, и он сразу поумнел. Он назвал меня подонком. Наверное, крыша поехала у парня» (*из объяснения Ангела Ада с чужаком*).

Из всех их привычек и наклонностей, которые так будоражат общество, именно неуважение отверженных к освященному веками правилу «око за око, зуб за зуб» пугает людей больше всего. Ангелы Ада стараются никогда не останавливаться на полпути. Изгой, существующие в экстремале, просто обязаны причинять неприятности, даже если можно обойтись и без этого. Вот что, наряду с верой в тотальное возмездие за любую обиду или оскорбление, превращает Ангелов в трудноразрешимую проблему для полиции и своей патологичностью завораживает обычную публику. Заявления Ангелов, что не они первые начинают беспредел, чаще всего оказываются правдой, а не выдумкой, но сама идея вести себя вызывающе, провоцируя «цивилов» на резкие действия, принимает опасные масштабы... и одна из главных трудностей Ангелов состоит в том, что почти никто кроме них этого не понимает. К тому же у них на вооружении есть очень простой принцип «большого пальца»: в любом споре твой приятель Ангел оказывается *всегда прав*. Выразить свое несогласие с точкой зрения Ангела значит совершить серьезную ошибку, повести себя *неправильно*, а отстаивать свою неправоту равносильно открытому вызову Ангелу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.